

Александр Каневский

ИДУЩИЕ НА СМЕРЬ

Александр Семёнович Каневский

Идущие на смех

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686209

Аннотация

«Здравствуйте!

Вас я знаю: вы те немногие, которым иногда удаётся оторваться от интернета и хоть на пару часов остаться один на один со своими прежними, верными друзьями – книгами.

А я – автор этой книги. Меня называют весёлым писателем – не верьте. По своей сути, я очень грустный человек, и единственное смешное в моей жизни – это моя собственная биография. Например, я с детства ненавидел математику, а окончил Киевский Автодорожный институт. (Как я его окончил, рассказывать не стану – это уже не юмор, а фантастика).

Педагоги выдали мне диплом, поздравили себя с моим окончанием и предложили выбрать направление на работу. В те годы существовала такая практика: вас лицемерно спрашивали: «Куда вы хотите?», а потом посылали, куда они хотят. Мне всегда нравились города с двойным названием: Монте-Карло, Буэнос-Айрес, Сан-Франциско – поэтому меня послали в Кзыл-Орду. Там, в Средней Азии, я построил свой первый и единственный мост. (Его более точное местонахождение я вам не назову: ведь читатель – это друг, а адрес моего моста я даю только врагам)...»

Содержание

Обращение к читателям	6
Идущие на смех	11
Мозги набекрень	15
Знаки препинания	19
Подземный переход	21
Смелое начинание	23
Сплетни	25
Это моя монета	27
Летучий кот	30
Всех на прокат	31
Второе убийство	34
Качай его	36
Сквозь стенку	39
Рокировка	42
Украли трамвай	45
Проделки волшебника	49
Смелый почин	54
Храните свои годы	58
Любите живых!	61
Любите живых!	63
Старый двор	71
В пригородном автобусе	86
Сиамские близнецы	99

Елена Ивановна	110
Банкет в кафе «Белочка»	118
В случае аварии нажмите кнопку	126
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Александр Каневский

Идущие на смех

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Обращение к читателям

Здравствуйте!

Вас я знаю: вы те немногие, которым иногда удаётся оторваться от интернета и хоть на пару часов остаться один на один со своими прежними, верными друзьями – книгами.

А я – автор этой книги. Меня называют весёлым писателем – не верьте. По своей сути, я очень грустный человек, и единственное смешное в моей жизни – это моя собственная биография. Например, я с детства ненавидел математику, а окончил Киевский Автодорожный институт. (Как я его окончил, рассказывать не стану – это уже не юмор, а фантастика).

Педагоги выдали мне диплом, поздравили себя с моим окончанием и предложили выбрать направление на работу. В те годы существовала такая практика: вас лицемерно спрашивали: «Куда вы хотите?», а потом посылали, куда они хотят. Мне всегда нравились города с двойным названием: Монте-Карло, Буэнос-Айрес, Сан-Франциско – поэтому меня послали в Кзыл-Орду. Там, в Средней Азии, я построил свой первый и единственный мост. (Его более точное местонахождение я вам не назову: ведь читатель – это друг, а адрес моего моста я даю только врагам).

Построив первый мост, я написал первую пьесу. По мо-

сту ходить боялись, а на пьесу пошли. Так я променял дороги на драматургию. Может, именно поэтому сейчас так не хватает хороших дорог. (Правда, и хороших пьес тоже).

Отработав положенный срок, я вернулся в Киев и большую часть своей жизни проводил в поездах Киев-Москва-Киев. Когда же стало не хватать денег на железнодорожные билеты, я с семьёй переехал в столицу на постоянное жительство.

Вначале я сотрудничал с эстрадными артистами, писал для них монологи, сценки, сценарии театрализованных обзоров... Эстрада – моя первая любовь. Как всякая первая, она была не последней. Я постоянно изменял ей: писал пьесы, сценарии кинокомедий, мультфильмов... Но больше всего я любил сочинять рассказы. Будучи человеком сентиментальным, я написал много сатирических рассказов: авторам таких рассказов приходилось часто плакать. За один из этих оплаканных рассказов я получил свою первую международную премию. По недосмотру редакторов, мои рассказы стали регулярно появляться на страницах центральных газет и журналов. Многие из них звучали по Радио и на Телевидении, были инсценированы, экранизированы, переведены на другие языки... Вот тогда-то за мной и закрепилась репутация весёлого писателя. Но, повторяю, это неправда. Просто всю жизнь мне приходилось притворяться весельчаком, бодрым, неунывающим, и чтобы все в это поверили, я писал сатирические и юмористические рассказы. Часть из них мне удалось собрать в сборники и издать. Но не думай-

те, что это было просто: в те годы юмору был поставлен боевой заслон из натренированных редакторов с авторучками наперевес. Поэтому все мои сборники, пухлые, как буханки, после процеживания сквозь редакторское сито, выходили толщиной в мацу.

Как учил мудрый Экклезиаст: «Время разбрасывать камни – время их собирать». Вот я и собрал в этой книге почти все свои рассказы, и смешные и печальные, и те, что попали в «мацу», и те, которые из неё выпали... Очень надеюсь, что у вас хватит терпения прочитать их... А я буду сопровождать вас во время чтения и подсказывать, где смеяться, а где грустить – читателя нельзя пускать на самотёк.

Если книга вам понравится, хвалите меня, я очень люблю, когда меня хвалят. Если не понравится, ругайте издателей – они к этому привыкли.

Добро пожаловать в мою книжку!

Идущие на смех
(вместо эпиграфа)

Я люблю первое апреля – это мой праздник. В этот день все редакции вспоминают о юморе, все ищут что-нибудь весёлое и даже в толстых журналах появляются тонкие остро-ты.

Накануне этого дня в домах писателей-юмористов пред-грозовая атмосфера: хозяин ходит мрачный, раздражённый, кричит на жену, топает ногами на детей, в сердцах бьёт посуду, а жена объясняет плачущим детям, что это папочка со-чиняет очень смешной рассказ.

В творческих кухнях эстрадных драматургов закипают новые куплеты, пекутся интермедии, вынимаются из рассола старые проверенные остроты. Кто-то перелицовывает зим-ний анекдот, кто-то обрезает демисезонный фельетон, делая из него шутку-безрукавку. Даже солидные театры иногда от-кликаются на первоапрельский призыв и ставят актуальные комедии, где режиссеры умирают в актёрах, актёры умирают от смеха, а зрители умирают от тоски. Это о таких спектак-лях сказал Чехов: «Если в первом акте висит ружьё – в по-следнем акте оно должно выстрелить в драматурга».

Первое апреля – это разгул весны, праздник влюблённых. Женщины поют мужчинам серенады, аккомпанируя крыш-ками кастрюль, а мужчины поднимают бокалы за прекрас-ный пол, за красивые обои, за голубой кафель в ванной и за чудесных женщин, которые всё это украшают.

Весна в квартирах и за окнами. Старушки выводят в скве-рики пересыпанных нафталином пуделей, а неоднократно

холостые туристы дарят весенние цветы горничным и администраторам гостиниц. И летят, летят стаи весенних шуток.

Первого апреля очень хочется открыть школы повышения чувства юмора для тех, кто не умеет или боится смеяться, и учить, учить, учить...

– Растяните губы в стороны и зафиксируйте это положение – оно называется улыбка. Не получается?.. Помогите себе пальцами, вставьте их в уголки рта и тяните в стороны ушей... Ничего, что кожа трещит – она у вас ещё не разработана. Прodelывайте это упражнение сперва первого апреля, потом по пятницам и субботам, потом ежедневно. Нет, хохотать вам ещё рано – нельзя давать сразу такую большую нагрузку, надо подготовить организм!

Я люблю первое апреля. Что бы неприятного мне не сообщили в этот день, я не верю – знаю, что это розыгрыш. Когда в высоких правительственных кругах перед первым апреля заявили, что уже можно прожить на пенсию, я рассмеялся, я знал, что это они так шутят. Правда, шутка затянулась, то же самое повторили и второго апреля, и третьего, но это, очевидно, потому, что они не смотрят в календарь, не знают, что День Смеха уже прошел.

В День Смеха можно смеяться над дураками, круглыми, дремучими, стоеросовыми. Можно смеяться во весь голос, и они не помешают, они будут молчать, чтобы себя не выдать, ведь у дураков чувство самосохранения очень сильно развито: «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибёт», «Что

с дурака спрашивать», «Дуракам закон не писан»... Видите, какие они для себя удобные поговорки придумали?! Они нарушают законы, а с них не спрашивают. Они дают дурацкие указания, а расшибают лбы те, кто эти указания выполняют. Выходит, дураки – не такие уж дураки, а вот умные... Впрочем, можно смеяться и над умными – в отличие от дураков, умные понимают юмор.

Я люблю первое апреля – это мой праздник, это праздник всех моих коллег. Сегодня нас наперебой приглашают в клубы и компании, нами «угощают» сотрудников и друзей. Сегодня на эстрадах, на телеэкранах, в учреждениях, за дружескими столами солируют румяные юмористы и грустноглазые сатирики, бойкие и застенчивые, златоустые и косноязычные, маститые и начинающие. Это наш день – мы заполняем его весельем и радостью, мы утоляем печаль и разгоняем грусть, мы заряжаем людей солнечной энергией смеха. Как хочется расширить границы этого праздника, объявить Неделю Смеха, Месяц Смеха, Год Смеха... «Человечество смеясь расстаётся со своим прошлым». Чтобы идти в Будущее, надо уметь смеяться. И надо уметь смешить.

Обличители и пересмешники, донкихоты и уленшпигели, шуты и скоморохи, паяцы и клоуны – сегодня вы становитесь на круглошуточное дежурство. Да хватит у вас сил и терпения, да не оскудеет ваша любовь к людям!

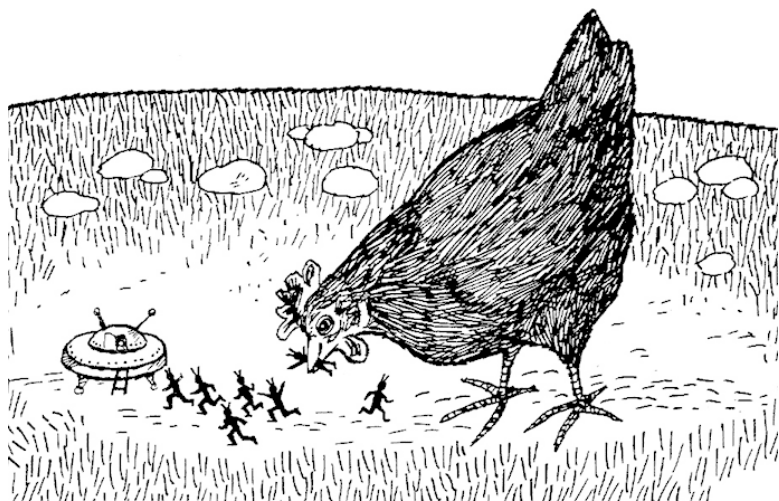
Да здравствует наш веселый весенний праздник!
Идущие на смех приветствуют тебя!

Мозги набекрень

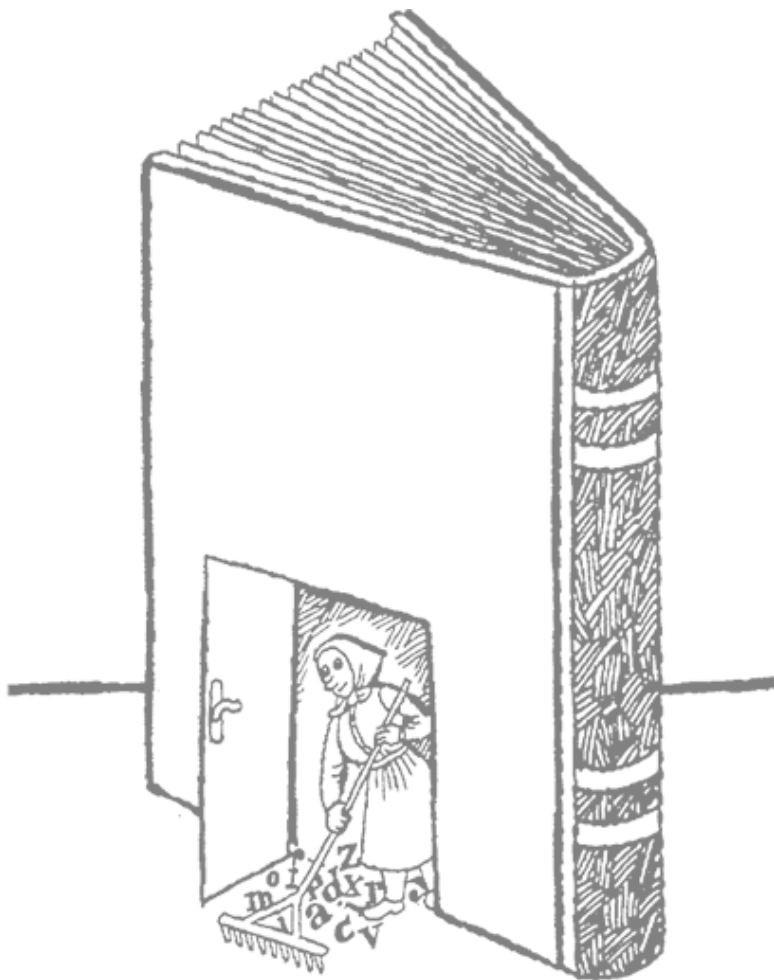

ОТ АВТОРА: Итак, переходим к первой главе. Я заполнил её короткими притчами и мини-рассказами – для разгона. Все они не очень реалистичны, парадоксальны, иногда даже абсурдны... Честно говоря, мне скучно среди людей с «очень правильно поставленными» мозгами – обожаю тех, у кого они чуть-чуть набекрень!

Знаки препинания

Человек потерял запятую, стал бояться сложных предложений, искал фразы попроще. За несложными фразами пришли несложные мысли.

Потом он потерял знак восклицательный и начал говорить тихо, ровно, с одной интонацией. Его уже ничто не радовало и не возмущало, он ко всему относился без эмоций.

Затем он потерял знак вопросительный и перестал задавать вопросы, никакие события не вызывали его любопытства, где бы они не происходили: в космосе, на земле или даже в собственной квартире.

Ещё через пару лет он потерял двоеточие и перестал объяснять свои поступки.

К концу жизни у него остались только кавычки. Он не высказывал ни одной собственной мысли, всё время кого-нибудь цитировал. Так он совсем разучился мыслить и дошёл до точки.

Берегите знаки препинания.

Подземный переход

На нашей улице строили подземный переход. Всю улицу перерыли. Движение перекрыли. Троллейбус в сторону отвели.

Наконец, закончили и устроили торжественное открытие. Оркестр пригласили. Ленточку у входа натянули.

И тут вдруг выяснилось, что выхода из-под земли нет, забыли сделать: очень торопились сдать объект досрочно.

Ну, комиссия, конечно, строителей пожурила, но не лишать же весь коллектив премии. Да и опять же – оркестр уже приглашён, ленточка натянута. Решили торжества не омрачать, переход принять, а отсутствующий выход внести в акт недоделок.

Оркестр грянул марш, ленточку перерезали, и народ хлынул вниз, в переход.

Правда, нашлись нытики, которые не хотели акт подписывать, мол, как же так: переход без выхода. Но председатель комиссии дал им достойную отповедь:

– Вы что, в инициативу наших людей не верите?.. Если понадобится – найдут выход!

Переход этот по сей день работает. Миллионы людей туда входят и, представьте себе, как-то выходят. Так что председатель комиссии оказался прав: надо верить в творческую инициативу!

Смелое начинание

Водном учреждении ввели такое новшество: устраивать похороны живым сотрудникам. Чтоб люди при жизни о себе доброе слово услышали. Причём, церемонию соблюдали полностью, от начала до конца. Оркестр приглашали, венки заказывали: «Дорогому», «Любимому», «Незабвенному». В газетах сообщения помещали, мол, и руководство, и весь коллектив выражают глубокую радость, что живёт и работает такой-то сотрудник. На похоронах прощальные речи говорили: «Выдающийся специалист!», «Прекрасный семьянин!», «Любящий отец!»... Деньги семье выдавали, которые обычно на настоящие похороны берегут.

Ну, конечно, родители расчувствуются и плачут, дети радуются, жена гордится, а сам покойник счастлив, увенчан и живёт ещё много, много лет. В этом учреждении вообще смертность прекратилась, когда всех опанихидили.

Но однажды к ним на службу поступил новый сотрудник. Поступил, неделю поработал и умер. И хотя его мало знали, но похороны устроили от души, как живому: венки, оркестр, прощальные речи: «Дорогой!.. Любимый!.. Единственный!..» И что вы думаете? Не выдержал: встал, улыбнулся и вышел на работу – не смог с таким коллективом расстаться!

Так что, как выяснилось, доброе слово и покойникам приятно.

Сплетни

Дом был новый. Не дом, а красавец: высокий, чистый, облицованный белой плиткой. С балконами. И жилыцы в него вселились приветливые и весёлые. Пока дом строили, они по субботам и воскресеньям приходили на стройку, помогали строителям и очень подружились. Новоселье справляли все вместе, ходили по квартирам, поздравляли друг друга. Словом, не дом, а одна семья.

И вдруг по парадному поползли сплетни.

Сперва их было всего две. Когда жилыцы втаскивали вещи, сплетни проскользнули между мебелью, юркнули в подвал и притаились. Потом они выползли в парадное и поселились за батареей. Здесь они стали размножаться. Каждая порождала ещё несколько. Сплетен становилось всё больше и больше. Сперва они выползали только ночью, шуршали по углам и закоулкам. Потом обнаглели, стали выползать и днём, расползлись по всем этажам и квартирам. Они проникали сквозь щели, сквозь вентиляционные ходы, сквозь замочные скважины. Жить стало невозможно. Куда ни пойдёшь, всюду натыкаешься на сплетни: в подъезде, в лифте, даже в собственной спальне. Соседи перестали разговаривать друг с другом, мужья поссорились с жёнами, дети – с родителями.

Наконец, жилыцы собрали общее собрание и стали со-

вещаться: что делать? Пригласили опытного старичка из санэпидстанции. Старичок осмотрел дом, выслушал всех и изрёк:

– Уже ничем помочь нельзя. Дом насквозь заражён сплетнями. Его надо сносить.

– А нам что делать? – спросили жильцы.

– Строить новый дом.

Погоревали люди, да делать нечего. Собрали деньги, организовали кооператив, снова работали по субботам и воскресеньям – помогали строителям. И построили новый дом. Не дом, а красавец, краше прежнего: ещё выше, ещё белее. С лоджиями.

Вселялись дружно, весело, с песнями и шутками. Завезли мебель, втащили чемоданы.

И тут в парадное вползли две сплетни...

Это моя монета

День был жаркий и я прямо с работы купаться пошёл. Раздеваться стал, и тут у меня из кармана монета выпала, десять копеек, и в песок зарылась. Разгрёб я песок, чтоб монету найти, а её не видно. Не пропадать же – сбегал домой, взял лопату и стал копать. Копаю, копаю, смотрю – песок кончился. А под ним земля, жирная, как масло. Взял щепотку, растёр пальцами – да это же чернозём! И пласт солидный, метра полтора. Вот так находка! У нас никто и не подозревает. Это ж какие урожаи можно собирать – все соседи ахнут, тысячи рублей чистой прибыли! Надо поскорей людей обрадовать!..

А потом вспомнил про свои десять копеек и подумал: э,

нет! Придёт трактор, всю землю перепашет, тогда мне своей монеты вовек не сыскать.

Собрал я чернозём, бросил его в воду, чтоб не нашли, и дальше рою. Вдруг лопата обо что-то звякнула. Снял я слой земли, смотрю: крыша. Рядом другая, третья. Стал дальше рыть – дома появились, дворцы, улицы... Дома из мрамора, тротуары мозаикой выложены, а вдоль улиц фигуры стоят, мужики и бабы, в чем мать родила. Понял я, что до древнего города докопался, неизвестную цивилизацию отрыл! Вот будет радости в учёном мире! Понаедут со всех стран академики, напишут трудов – как наука обогатится! И не только наука! Сюда ещё туристов пускать будем, по древним тротуарам водить, древние фигуры показывать. И жить им есть где: древние дома под гостиницы переделаем. Это ж деньги рекой потекут, сотни тысяч долларов!..

С этими мыслями я бронзовые фигуры опрокидываю, пергаментные книги разбрасываю, серебряные кувшины переворачиваю – нигде своих десяти копеек найти не могу. А если ещё учёные понапрутся, туристы туда-сюда шастать начнут – тогда мне своей монеты вовек не сыскать!

Подумал я так и давай быстро-быстро древний город забрасывать. Забросал, затоптал, песочком присыпал, чтоб следов не осталось, и дальше рою. Вдруг прямо из-под лопаты фонтан забил. Батюшки – нефть! И так сильно бьёт, будто трубу прорвало. Вот так удача! Вот так открытие! Её ищут, а она тут, под ногами! Это ж миллионы долларов для страны!

Надо скорей в газеты сообщить.

А потом думаю, ну да! Понаставят здесь вышек, вокруг них новый город вырастет. Железную дорогу подведут, аэродром построят – тогда мне своей монеты никогда не найти!

Заткнул я фонтан, а сверху ещё камешками присыпал, и домой пошёл, отдыхать, сил набираться.

Завтра на работу не пойду, достану экскаватор, всю землю перерою, но свои десять копеек непременно добуду!

Летучий кот

Кот охотился на мышей, всех их переловил и стал охотиться на летучих мышей. Для этого ему пришлось научиться летать – так он стал летучим котом.

Увы, наши взлёты часто зависят от питания.

Всех на прокат

Вот классные времена настали: девушки по сопровождению, стриптизёры на дом!.. А недавно придумал кто-то открыть в каждом районе пункт по прокату родственников. Бери кого хочешь: жену, мужа, папу, маму, брата... Как телевизор или машину! Это же очень выгодно – за их качество отвечают прокатчики, даже запчасти бесплатно меняют. И ещё есть такая услуга: заплатишь всю стоимость – оставляют тебе насовсем.

Ну, конечно, в первую очередь, все хватают детей. А чего не брать? Получаешь готового, с гарантией. Дети – дефицит, на них надо записываться в очередь или искать ход к заведующему... Неплохой спрос на мужей до сорока лет, старших братьев, незамужних сестер... А вот родителей – не хотят. Их и рекламировали и цены на них снижали – плохо расходятся. Залежалый товар. Зато охотно берут дедушек и бабушек – во-первых, модно: старина, а во-вторых, есть кому за детьми смотреть. Их выдают сразу в комплекте: дед, баба и внушек.

А организовано всё по высшему классу: приходишь, к примеру, за женой, смотришь образцы, год выпуска, технические данные... Выбираешь подходящую модель, получаешь инструкцию пользования, расписываешься, делаешь первый взнос – и тебе её доставляют на дом.

В первый месяц техник каждый день навещает, подкручивает, настраивает, регулирует напряжение. Если испортилась, забирают и привозят новую. Умные люди за месяц до

окончания срока проката специально находят недостатки, пишут жалобы и требуют новый экземпляр... И правильно делают! Зачем со старьём возиться, когда вокруг столько новых усовершенствованных моделей!

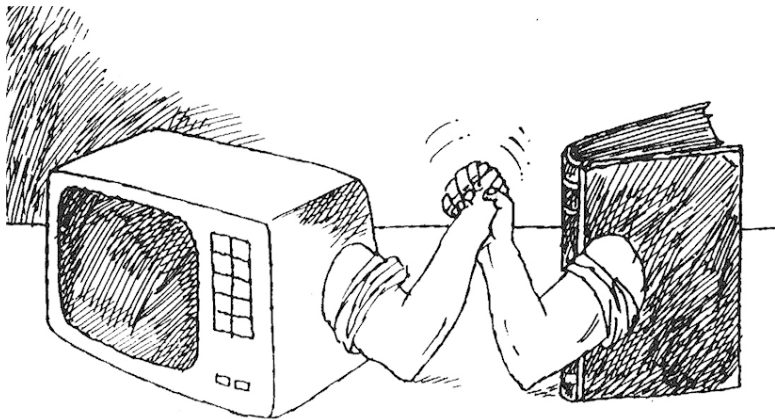
Честно говоря, я тоже хочу жену поменять. Взял новенькую, широкоформатную, безотказную, по десять часов в день работала, не выключалась – а сейчас, то одна деталь летит, то другая... Контакт нарушился, что-то перегорело... Была цветная – стала чёрно-белая... Говорит, неправильно ты меня эксплуатируешь... Чепуха! Если б качественно сделали, любую эксплуатацию выдержала бы!.. Эх, достать бы новенькую, последнего выпуска, в импортной упаковке!..

Стою я в гостинной, мечтаю, – вдруг жена входит и с ней два грузчика.

– Это за тобой, – говорит, – я тебя меняю. Всё хрипишь, кашляешь, дёргаешься, а пользы уже никакой. Я себе нового присмотрела: и звук хороший, и нагревается быстро, и все приборы работают нормально!

И понесли меня в утильсырьё.

Второе убийство

По коридору университета взволнованно прохаживался смуглолицый курчавый паренёк. За дверью заседала приёмная комиссия филологического факультета.

Вот оттуда выскочил здоровенный узколобый детина. Курчавый бросился к нему:

– Ну, как?

– Нормально. Приняли. Ведь я – мастер спорта по штанге.

Вслед за детиной выпорхнула девушка в модных рваных джинсах.

– Прошли?

– А как же! Ведь мой папа спонсировал ремонт этого корпуса. Наконец, настала очередь курчавого. С замиранием

сердца он переступил порог аудитории.

– Имя?.. Фамилия?.. – не поднимая глаз, спросил председательствующий.

– Пушкин... Александр Сергеевич.

– Плохи ваши дела, молодой человек. Ваше сочинение «Евгений Онегин» очень старомодно: «... Но я другому отдана и буду век ему верна...». Ну, кто это сегодня станет читать?.. Да и сериала из него не сделаешь: всего одно убийство.

– Но... Мои литературные начинания понравились Державину... И Жуковский говорил...

– Они у нас уже давно уволены по сокращению штатов... Увы, молодой человек, на бюджетном отделении все места заняты. Хотите попробовать на платное?..

Паренёк замялся. Ему было очень неловко, стыдно, но он всё же выдал из себя:

– Я сейчас нигде не служу... перебиваюсь стихами... стеснён в средствах... Но мне обещали хорошо оплачиваемую работу... Камер-юнкером...

– Вот тогда и приходите. А пока, увы!.. – И председательствующий зачитал выписку из протокола. – «Пушкину, Александру Сергеевичу, в принятии на филологический факультет отказать. Председатель приёмной комиссии – Дантес».

Пушкин упал, как подстреленный.

Качай его

Возникла у меня одна интересная идея.

Пришел я в наше министерство, вышел на трибуну и говорю:

– Братцы! Честное слово, придумал!

Все обрадовались, закричали: «Качай его!»

И начали качать.

Сначала я просил, чтоб перестали, не нравилось это мне. Затем взлетал молча, всем видом показывая, что недоволен. А потом ничего, привык. Квартирку мне подбросили, денег подкинули – стал качаться с удовольствием.

Те, кто меня качали, постепенно менялись: заканчивали колледжи, академии, университеты, организовывали свои фирмы, уходили на пенсии. На их место приходили новые, подхватывали, качали дальше.

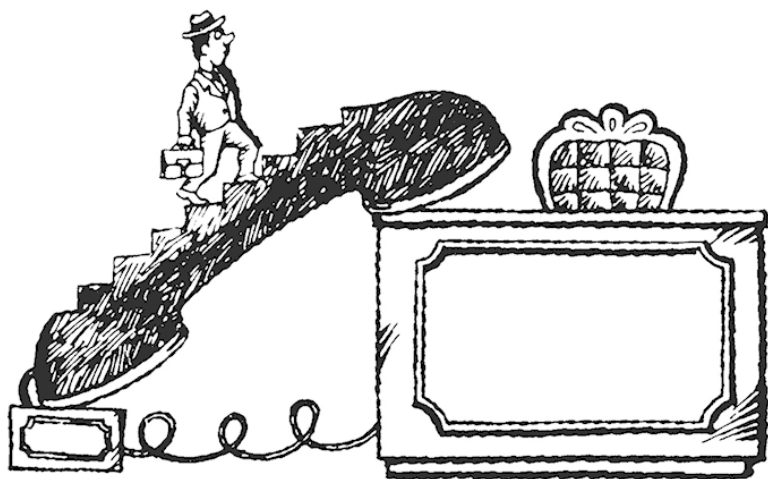
Прошли годы. Стало мне скучно одному. Решил жениться. Вижу рядом, в соседнем министерстве, какую-то особу женского пола качают. Лица не рассмотрел, да и не в лице счастье. Главное – до моего уровня долетает. Я ей на лету предложение сделал, она, пролетая, ответила согласием. Тут же, на должной высоте, и сын родился. Качаемся втроем. Сын иногда на Землю спускается, в школу ходит. Он нам новости приносит о друзьях, родителях, сослуживцах: кто умер, кто женился, кто новую квартиру купил. А мне это уже

не интересно: отвык я от Земли, оторвался.

Как-то сын спрашивает:

– Папа, а за что нас качают, за какие заслуги?

А я уже и сам не знаю. Знаю, что когда-то что-то придумал, а что – хоть убей, не помню.

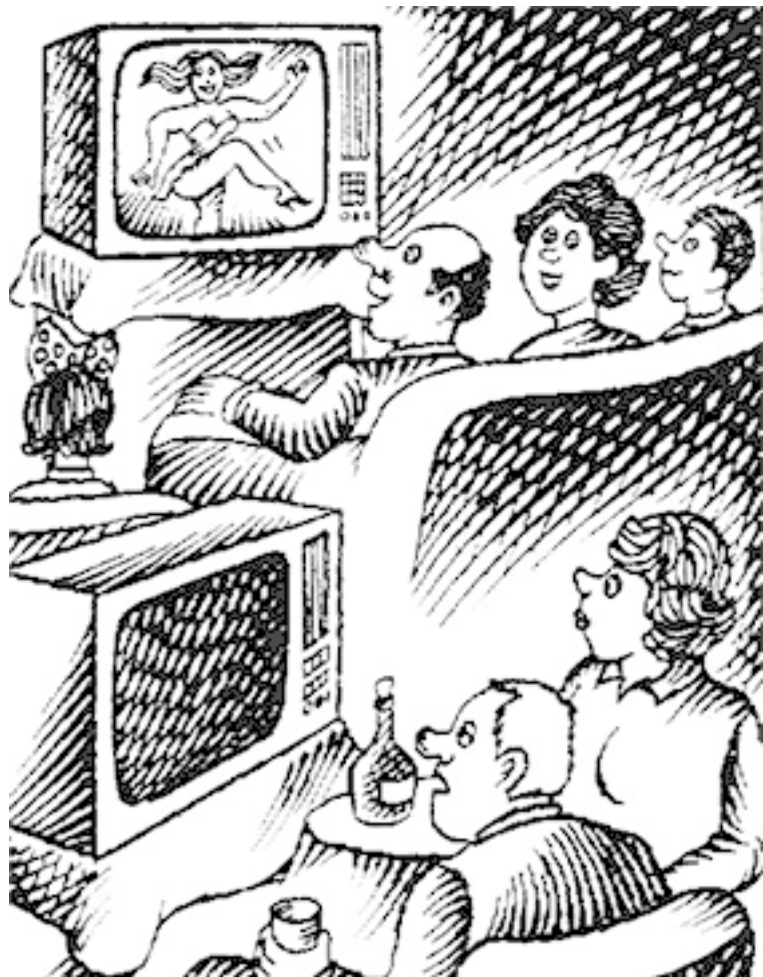

И вдруг – полный крах.

То ли мои мысли подслушали, то ли команда какая была – только однажды, в очередной раз, подкинули меня вверх, а поймать не поймали. Рухнул я с высоты на прежнее рабочее место. Сижу весь в синяках среди обломков старого быта. Вокруг все каким-то делом заняты, а я ничего не умею, все позабыл. Решил поскорей снова что-нибудь придумать, чтоб

опять качать начали. Напряг мозги, так, что череп затрещал – ни одна мысль в голову не лезет. Понял я, что не бывать мне больше на высоте. Что же теперь делать, чем заниматься? Ведь ни работать я уже не могу, ни думать не умею. И вдруг осенило: раз самого уже не качают – пойду других качать. А что? Как-никак тоже работа!

СКВОЗЬ СТЕНКУ

Наконец, мы из коммуналки выбрались – квартиру купили. На совсем новую денег не хватило, купили в старой пятиэтажке. Маленькая квартирка, но светлая: к нам солнце сквозь дырки в крыше проникает, загораем, не выходя из дому. Но не думайте, что у нас жарко. Нет! Квартирка прохладная, ветер сквозь стенки продувает, кондиционер не нужен. А то, что в полу дырки имеются, так это даже хорошо: мы через них по утрам перепрыгиваем, вместо зарядки.

Очень мы этой квартирке рады, покидать не хочется. Поэтому решили встречать Новый год дома, всей семьёй у телевизора. Но не повезло: только началась новогодняя передача, исчез звук. Дочь антенну проверяет, сын по верху ладонью похлопывает – ничего не помогает: на экране Максим Галкин рот открывает, а звука нет. Жена чуть не в слёзы, а я спокоен.

– Ничего страшного, – говорю, – это он Орбакайте пародит, – и соседу в стенку стучу. – Лёва, – прошу, – сделай у себя звук погромче.

Через секунду все радостно заулыбались – мы у себя Галкина видим, а из-за стенки его голос звучит.

– Спасибо, – говорю, – Лёва, хорошего тебе Нового года!

– Хорошего мало, – отвечает сосед, – потому как в моём телевизоре экран погас.

– Выходит, у меня телевизор оглох, а у тебя ослеп, – смеюсь я. – Ничего! Услуга за услугу. Я у себя смотрю, а у тебя слушаю. А ты – у себя слушай, а что происходит на экране, я

тебе буду сообщать. Значит, так: Галкин закончил, появился Киркоров, выводит Пугачеву... Галкин не доволен, руками машет...

– Погоди надрываться, – останавливает меня Лёва, – я и так ваш телевизор вижу сквозь стенку, только смутно, что-то мешает.

– Наверное, ковёр, – догадался я. – Недавно купили, плотный, сантиметра четыре толщиной, ручной работы...

– Зачем вам такой толстый?

– Вы поздно ложитесь, а мы рано. От вас сквозь стенку свет бьёт, а жена не может спать при свете.

Сняли мы ковёр и повернули телевизор экраном к стенке.

– А теперь как?

– Лучше. Только обидно, что цвет искажает: изображение – чёрно-белое.

– Наверное, стена даёт оптический эффект – её лет десять не белили.

– Простите, что мы к вам спинами сидим, – извинилась жена.

– Ничего, ничего! Только экран не заслоняйте.

Вот так мы все вместе и передачей насладились и Новый год встретили.

А назавтра решили послать благодарность строительной фирме, которая строила эти квартиры. Я написал, а Лёва подпись подмахнул. Сквозь стенку.

Рокировка

Купил я аквариум с рыбками, решил написать о них рассказ. Поставил на подоконнике у стола, сижу, обедаю, изучаю.

День, два, неделю. А они жрут друг друга. Вот уже одна рыбка осталась, которая всех других слопала. Смотрит на меня сквозь стекло, глаза злые, голодные. Не мешало бы, конечно, корма ей подсыпать, да лень вставать, отяжелел я после обеда. Вода в аквариуме мутная, водоросли завелись, — мне менять некогда, я изучаю, — так она водоросли съела, и песок, и камушки. Живучая тварь, приспособилась. Из воды выскакивает, мух ловит. Лёгкие у неё появились. Кота моего в воду затащила, когда он хотел её лапой поддеть. Сожрала вместе со шкурой. Здоровая стала, ей в аквариуме тесно. Выпрыгнула на пол, меня за шиворот и в воду, а сама на моё место, мой обед доедает. Я хотел закричать, возмутиться, а она — червячков в аквариум. Я попробовал, проглотил — ничего, вкусно. Первая злость прошла, решил с ней по-хорошему поговорить, а изо рта только бульк-бульк, пузыри вылетают. Конечно, можно было бы из воды выпрыгнуть, да лень одолела, отяжелел я от червячков. Чувствую, жабры у меня прорезаются — дышать-то надо. Плаваю, руками помахиваю, а это уже не руки, а плавники. Хвост вырос, чтоб легче поворачиваться. Иногда вдруг ударит в мозг: «Что со мной? Выбираться надо!» Да ведь мозг-то у меня уже рыбий стал — не реагирует. Да и неохота воду баламутить: тихо, уютно, червячков дают. А тут детишки пошли, рыбёнки малые... Я

этой бывшей рыбе кричу:

– Мне, бульк-бульк, теперь большой аквариум требуется!

А она сидит на моём месте, мой обед лопаёт и меня изучает. А потом ещё рассказ обо мне написала, вот этот...

Украси трамвай

Трамвай был переполнен. Я протиснулся на переднюю площадку, натянул на голову нейлоновый чулок с прорезями для глаз, выхватил игрушечный пистолет и направил его на водителя.

– Поворачивай на Сосняки! Живо!

Водитель вздрогнул, побледнел.

– Ты что... Не балуй.

– Делай, что приказываю! Ещё слово – стреляю!

– Но... Но это же новый массив... Туда рельсы ещё не проложили...

– Поворачивай!

Я приставил пистолет к его виску.

Трамвай рванулся в сторону и покатил по асфальту. Потом свернул в переулок и затарахтел по булыжной мостовой.

Пассажиры заволновались. Но я пригрозил пистолетом.

– Всем оставаться на своих местах!

При виде вооружённого Фантомаса пассажиры испуганно отпрянули. Между нами образовалось свободное пространство.

– И не приближаться!.. Быстрее!

Это я снова подстегнул водителя.

Трамвай нёсся уже напрямик через парк, лавируя между деревьями, виляя прицепом.

– Возле недостроенного гастронома притормозишь – я выпрыгну.

Перепуганный водитель молча кивнул. Его болтало, как

сметану в сепараторе: трамвай скакал по перерытой площади, перепрыгивая через канавы.

У гастронома трамвай замедлил ход, и передняя дверь открылась. Пятясь к выходу, я скомандовал:

– А теперь – гони обратно. И не вздумай останавливаться!

Я спрыгнул, отскочил в сторону, нырнул в проходной двор. Сорвал с себя чулок и выбросил его вместе с пистолетом в мусорный бак. Выскочив из другой подворотни, я увидел свой трамвай, который улепётывал по берегу канала, распуская рыбаков.

Часы показывали без десяти минут девять. На меня никто не обратил внимания. Операция удалась!

...В шесть вечера, по окончании рабочего дня, я влился в толпу людей, спешивших домой, и, беззаботно насвистывая, строил планы сегодняшних развлечений.

Неожиданно на моё плечо легла чья-то тяжёлая рука. Я обернулся.

Сзади стоял рослый молодой человек с лейтенантской внешностью. Рядом – ещё двое.

– Вы арестованы, – сообщил мне переодетый лейтенант. – Следуйте за нами.

Я понял, что проиграл.

– Хорошо, я сдаюсь. Но, ради бога, объясните... Я ведь был так осторожен, всё предусмотрел... Как вы меня нашли? Лейтенант и его спутники снисходительно улыбнулись.

– Вы сами себя выдали. Район новый, с транспортом пло-

хо... Вы единственный, кто здесь сегодня не опоздал на работу.

Проделки волшебника

Непонятные события стали происходить в нашем городе. Чёрно-бурая лиса, гордость жены директора рыбозавода, на новогоднем банкете в ресторане, соскользнула у неё с плеч, юркнула между столиками к выходу и удрала. Когда директор, его жена и очевидцы рассказывали об этом, все в ответ смеялись и говорили: пить надо меньше. Никто ведь ещё не знал, что это штучки волшебника, который меха оживляет. Всё только потом стало известно, а сначала просто паника возникла. Да и как не паниковать, когда на совещании предпринимателей все сорок ондатровых шапок спрыгнули у них с голов, покатались к выходу, перебежали набережную и нырнули в прорубь. А предприниматели, чтобы добраться до гостиницы, необутые головы шарфиками повязали. Потом в театре из гардероба исчезли все шубы – представляете, что поднялось!.. Сперва решили, что какая-то шайка орудует. Но когда вслед за шубами сквозь фойе, расталкивая зрителей, рвануло стадо дублёнок, все просто ужаснулись. А чудеса продолжались. Оленьи меха соскакивали со стен и, потрясая рогами, прыгали с лестничной площадки на площадку... Медвежьи шкуры выдергивались из-под ног и с радостным рёвом неслись вниз по ступенькам. Даже крокодиловая сумка заведующей парикмахерской вырвалась у неё из рук, доползла до озера и заплакала от радости большими кроко-

диловыми слезами...

И город, доложу я вам, изменился. Если раньше на улицах можно было встретить двух-трёх бездомных дворняг, которых будка не успела подобрать, то теперь... По деревьям прыгали белки и куницы. По тротуарам проплывали косули, бегали козы, прыгали кенгуру. В парках гуляли олени, сновали зайцы, лисы, кролики... Медведь пил воду из фонтана... А по аллеям несло международное стадо баранов, бывшие дублёрки: канадские, болгарские, югославские и наши отечественные... В озере плавали нутрии, выдры, ондатры... Семейство бобров строило себе домик.

Дети были счастливы.

Они кормили белок, играли с медведем, катались на оленях, прыгали с кенгуру... Ведь животные, пока они были шубами и воротниками, привыкли к людям и их не боялись. Как заявили потом пятиклассники из двенадцатой средней школы корреспонденту нашей «Вечёрки», это были самые счастливые каникулы в их жизни.

Ну, дети веселились, а взрослые, естественно, принимали необходимые меры, милиция этим делом занималась, и в по-

следний день каникул виновника отыскивали, точнее, он сам объявился и признался во всём.

– Зачем хулиганите? – спросили у него.

– Вы же, – отвечает, – всю фауну распугали, отравили и перестреляли. Вашим детям лисица даже присниться не может, потому что они её никогда не видели... Скоро кошка станет музейной редкостью... Вы уже третий вытрезвитель в городе строите, с фонтаном и сауной, а на самый маленький зверинец средств не найдете, я уже не говорю о заповеднике!.. Вот я и решил детишек побаловать, ради Нового года... Хотите, оставлю всё, как есть, жить веселей будет?

Ну, конечно, на это никто не согласился. Первыми запротестовали наши модницы: как же это мы без мехов обойдёмся?.. Их поддержала фабрика, которая шубы и шапки шьёт, им же без плана оставаться. Руководящие работники зароптали: раньше их по пыжиковым шапкам узнавали, а теперь чем же они будут отличаться от своих подчинённых?.. Да и отцы города не одобрили: благосостояние народа растёт, каждый может богатую одежду приобретать, зачем же себе в потребностях отказывать, пусть иностранцы видят!.. Только мы, общество охотников, не возражали, если только нам круглогодичные лицензии на отстрел выдадут.

Огорчился волшебник, нахмурился.

– Эх, вы! – крикнул, махнул рукой, дунул, плюнул и исчез. И сказка сразу закончилась: лиса опять к пальто жены директора рыбозавода прицепилась, ондатры в шапки свернулись

и на головы предпринимателей прыгнули, бобры свой домик не достроили и обратно в воротники превратились, медведи по полу распластались, олени на стенах повисли... А крокодил выполз из воды, снова заплакал и свернулся в сумку.

Надели мы все шубы, дублёнки, кожаные, гуляем по улицам, чинно, солидно, благородно, нафталином пахиваем... А на улицах опять тишь да благодать – ни одной зверюги: на деревьях никто не скачет, по аллеям никто не шастает, из фонтана никто воду не лакает.

Только детишки малость затосковали, всё в парк бегали: может какая животина осталась... Тосковали, грустили, а потом ничего, успокоились. Привыкли к пустому парку, к пустым улицам. Даже стали будочникам помогать последних собак отлавливать... Дети – они есть дети, их ко всему приучить можно. Мы ведь тоже, когда мальцами были, зверюшек ласкали. А потом наши папы-мамы нас отвадили, научили их ловить, стрелять, шкурки сдёргивать... Так что ничего: и наши детки привыкнут!..

Смелый почин

Я зашёл в театр повидаться с главным режиссёром, своим бывшим одноклассником. Застал его мрачным и удручённым.

– В чём дело? – спросил я.

– Театр горит. Причем, постоянно: зимой и летом, утром и вечером, в будние дни и в выходные.

– А вы принимали какие-нибудь меры?

– Ещё бы! Пробовали хвалить спектакли в газетах – это отпугивало зрителей ещё больше. Продавали билеты в рассрочку, потом давали бесплатно, потом доплачивали – не идут!..

Мы беседовали в театральном буфете. За соседними столиками сидели и пили пиво несколько случайно попавших в театр иногородних зрителей. Прозвучал звонок, извещающий о начале нового действия, – зрители продолжали сидеть.

– И так всегда, – продолжал жаловаться мой друг. – Если и забредут в театр несколько человек – после первой же картины убегают в буфет и отсюда их трактором не вытащишь... Как быть дальше – не представляю.

И вдруг меня осенило.

– А ты попробуй буфет перенести в зрительный зал, а зрительный зал – в помещение буфета.

– Гениально! – закричал мой друг. – Просто и гениально!

Через месяц я снова заглянул к нему в театр. У кассы толпилась очередь. Висело объявление: «Все билеты проданы. Принимаются предварительные заявки от отдельных лиц и

коллективов».

Моя идея была полностью реализована и творчески разработана.

В зрительном зале стояли ряды столиков. Ложи были оборудованы под отдельные кабинеты. За кулисами устроили кухню. Расширили ассортимент, придумали фирменные блюда: котлеты «Отелло», бульон «Лебединое озеро», цыпленка «Мёртвые души»... Каждое блюдо подавалось после третьего звонка и пользовалось неизменным успехом. Из зала часто слышались крики «браво!», «бис!». Вызывали поваров, вручали им цветы, выпрашивали у них автографы.

На кухне готовились специальные интермедии-лакомства для детей, имелись музыкальные диетические обеды. В театр потянулась молодежь, пенсионеры и даже гастарбайтеры.

У входа вместо афиш красовались художественно оформленные меню. В праздничном, нарядном фойе висели фотографии официантов.

В антрактах, между первым, вторым и третьим, посетители могли пройти в бывший буфет и перехватить там кусочек спектакля.

Театр быстро приобрёл собственное лицо и легко конкурировал с соседними ресторанами.

– Я счастлив! Я окрылён! – мой друг благодарно тряс мне руку. – Спасибо тебе! Впервые за всю жизнь я ощутил свою полезность обществу!

– А как общество отнеслось к твоей реформе?

– Чудесно! Меня хвалят! Меня ставят в пример! Недавно появилась великолепная статья: «Вари, выдумывай, пробуй!» – Вдруг он принялся: из-за кулис запахло жареным. – Прости, началась репетиция – надо идти. Сегодня мы готовим очень острый и горячий эпизод. Приходи на премьеру!

Он ещё раз пожал мне руку, вытащил из портфеля мясорубку и побежал на репетицию.

Храните свои годы

Он прочитал это письмо – признание в любви. Честно говоря, пойти хотелось. Ниночка ему нравилась. Даже очень. Но с другой стороны... Три месяца ухаживаний, в лучшем случае. Затем, две или три недели подготовки к свадьбе, хождение по родственникам, свадебное путешествие... Потом – девять месяцев ожидания ребенка, стояние под окнами больницы, бегание по врачам, устройство в ясли, в детский садик, в школу... Дальше считать не хотелось.

Конечно, на свидание он не пошёл. Но утром следующего дня положил в сбербанк сэкономленные – по самым предварительным подсчетам – семь лет жизни.

В субботу он был приглашён в свою бывшую школу, на традиционный вечер встречи выпускников. Его очень тянуло повидать бывших одноклассников, похлопать их по плечам, расспросить о жите-бытье, похвастать своими успехами. Но он прикинул, во что это обойдётся: час на сборы, двадцать минут на автобусе, речь директора; вызовы к доске, которые снова придумает старик-математик... Часа полтора танцы в зале... Потом Валька Чащин опять потащит всех к себе на дачу – это, считай, ночь по боку, сплошные «А помнишь?»... В воскресенье Валька, конечно, никого не отпустит: купанье в озере, ловля рыбы, уха из консервов – словом, ещё один день коту под хвост...

Он не пошёл. Отправил приветственную телеграмму. Зато на счёт были положены сбережённые сутки и восемь часов.

В понедельник, в обеденный перерыв, позвонила мама:

– Почему ты не приходишь? Я очень волнуюсь.

– Ещё ведь не конец месяца!

Когда-то он бывал у неё каждую субботу. Они пили чай с вареньем из облепихи, и он жаловался маме на своё начальство. Мама рассказывала ему о пользе витаминов и перед уходом вручала баночку облепихи, которой ему хватало до следующей субботы.

Теперь он эти посещения отменил – и ежемесячно стал класть на счёт освободившиеся вечера. За год набегало пятьдесят два вечера, а в високосный год – пятьдесят три!.. В конце месяца, каждого тридцатого, он заезжал к маме и, не отпуская такси, интересовался её самочувствием. Мама провожала его до машины и вручала теперь уже четыре баночки варенья, которых ему хватало до следующего заезда. Конечно, такой визит забирал не меньше часа, но в конце концов, у каждого человека есть свои привязанности: он уже не мог пить чай без облепихи.

Дома над тахтой у него висел плакат: «Экономьте время! Храните свои годы в Сбербанке!». Он перестал ездить в санатории, в круизы, перестал ходить в гости, на юбилеи, на похороны... Завёл копилку, в которую бросал каждую сохраненную секунду. Секунды складывались в минуты, минуты – в часы, а часы оседали на счету и превращались в дни, неде-

ли, месяцы...

– Зачем ты экономишь? Почему сейчас не живёшь? – спрашивали друзья.

– Ещё не имею права. Вот встану на ноги, будет имя, квартира, деньги и тогда я все эти годы – ох как отгуляю!

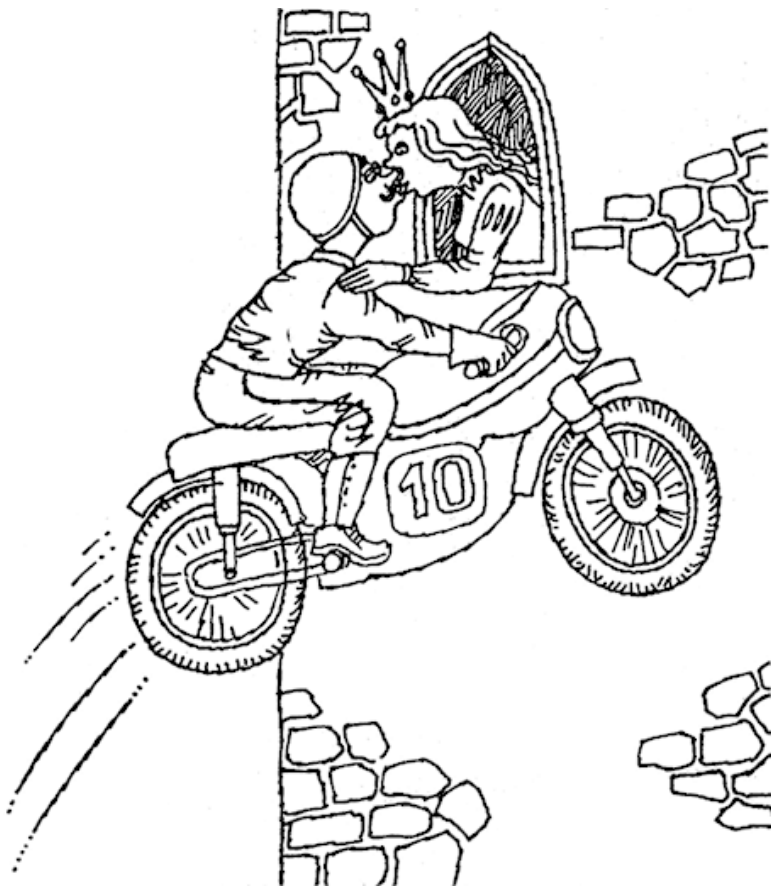
И вот настал день, когда он сказал себе: всё!

Было звание, положение, благополучие. А на счету – накопленные десять лет, восемь месяцев и шесть с половиной дней. Всё это огромное состояние теперь хотелось по-купечески растратить.

Он вышел на улицу, впервые за много лет просто так, без дела. Его ослепило летним солнцем, обрызгало теплым птичьим пением, ошеломило буйством цветущих каштанов. А навстречу шла Нина Петровна, та самая Ниночка, которая до сих пор почему-то не вышла замуж. Ниночка все ещё была хороша, и у него сладко заныло сердце. Он молил лишь об одном: только бы не прошла мимо! Десять минут постоять, поговорить!..

Ниночка улыбалась ему так же радостно и доверчиво, как когда-то. Он улыбнулся ей в ответ и хотел шагнуть навстречу, но вдруг почувствовал, что какая-то сила повернула его в другую сторону и повлекла, повлекла назад к знакомому сбербанку, где он тут же положил на счёт только что сэкономленные десять минут, приплюсовав их к сэкономленным ранее десяти годам, восьми месяцам и шести с половиной дням...

Любите живых!

ОТ АВТОРА: А вот в этой главе, вы сами убедитесь на-

сколько я грустный и печальный человек, которому много лет удавалось обманывать всех, притворяясь весёлым и радостным!.. Только, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте – пусть репутация «вечного весельчака» сопровождает меня и дальше.

Любите живых!

Днём на площади упала женщина. «Скорая помощь» доставила её в больницу. Пытались привести в чувство, но не удалось – её сердце остановилось. Из документов выяснилось, что это актриса областного театра Галина Басова.

Зачем она приехала в столицу? Что её расстроило? Почему случился приступ?..

Это могла рассказать только сама Басова.

...Она села в поезд без плаща и без чемодана. Её уволили! Уволили за четырнадцать месяцев до выхода на пенсию. Это была месть самодура-директора, которому она на сборе труппы выложила всю правду. Причём, уволили с оскорбительной формулировкой: за непрофессионализм и отсутствие диплома. Это после стольких лет работы, после десятков сыгранных ролей!.. И ведь все прекрасно знают, что её диплом сгорел при пожаре. Пару лет назад она хотела ехать в Москву, восстановить диплом, но директор сам её отговорил, мол, нечего терять время на глупости... Но ничего! Теперь она поедет и найдёт своих друзей, которые подтвердят, что она окончила институт, что знают её как актрису, как человека... Они напишут в главк, а может, даже самому министру!.. Этот самодур ещё пожалеет!..

...Первым, кого ей удалось разыскать, был бывший администратор её бывшего театра. Сейчас он работал в зоопарке.

Она нашла его у бассейна с крокодилом.

– Володька! Вот уж где не ожидала тебя встретить!

– Раньше надо было сюда идти, я бы уже был здесь директором, да ваше проклятое искусство отравило меня – много лет ничем другим не мог заниматься. И в опере костюмером работал, и в джазе ударником был...

– Ты же никогда играть не умел...

– А ты думаешь, там остальные умели?.. Потом в цирк ушёл, возил бригаду лилипутов. В пантомимах участвовал, изображал Гулливера... Платили мало, поэтому лилипуты смотрели на меня свысока...

– Гулливеры всегда получают меньше лилипутов.

– ... Ничего, я на них отыгрался: возглавил движение за экономию – тогда это было модно. Брал в гостинице одну кровать на двоих и укладывал их валетом. Они пожаловались, что при мне они творчески не растут. Я ушёл – пусть растут без меня... Ну, а от цирка до зоопарка – один шаг. Попросился к хищникам. Здесь всё по-честному: они меня откровенно ненавидят, а я их... Вот, крокодила привезли. Рот до ушей, а ушей нет. А жрёт всё подряд: мясо, ботинки, мыло...

– Ты женат?

– Нет. Жениться надо, когда ты голодранец. Тогда знаешь, что любят тебя, а не твою квартиру.

– И никогда не имел семьи?

– Когда-то встречался с одной особой. Она всё время

опаздывала на свидания. Когда мне это надоело, я на ней женился. А через месяц мы разошлись.

– Почему?

– В женщине какое качество главное?.. Чуткость. А она так себя вела, как будто меня осчастливила. А я – ранимый, меня это оскорбляло, наши отношения портились... Словом, она меня дважды осчастливила: первый раз, когда вышла за меня замуж, второй раз – когда ушла к другому.

– Тоскливо же одному... Друзья хоть к тебе заходят?

– Редко. Да это и к лучшему. Друзья ведь зачем ходят? Чтобы денег одолжить. Помнишь: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»?.. Правильная пословица: если имеешь сто друзей, никогда ста рублей уже иметь не будешь!

– Ну, а почему ты не спрашиваешь, зачем я к тебе пришла?

– А чего спрашивать? И так ясно: что-нибудь устроить нужно, позвонить, протолкнуть... Ну, давай выкладывай, помогу...

– Спасибо. Мне от тебя ничего не надо. Прощай, ранимый!..

Это был первый удар в больное сердце. Она выбежала из зоопарка, поймала такси: «Скорей в оперетту! Ведь там Марина... Марина, Маруся, Машка!.. Она поймёт, поддержит, поможет... А, представляю, как она обрадуется нашей встрече!»...

И Марина, действительно, искренне обрадовалась:

– Галка, чудо! Боже мой, как я рада!.. Извини, я буду гримироваться, сейчас мой выход... Ну, рассказывай, рассказывай, что тебя привело?.. Директор?.. Приказ?.. Год до пенсии?.. Причём тут пенсия – ведь ты ещё молодцом!.. Расскажи про свою диету. Хотя, это ни к чему: на меня никакие диеты не действуют. Ничего не поделаешь: фигура предаёт нас в самый ответственный момент, когда на лицо уже рассчитывать не приходится... У поляков есть поговорка: «Объедаясь, вы собственными зубами роете себе могилу». При моём аппетите я уже вырыла котлован для всего нашего коллектива... Да, да, я тебя понимаю: всё это похоже на издевательство... А думаешь, надо мной не издеваются? Меня уже дважды спрашивали: «Почему вы не снимаетесь в кино? Ведь уже давно есть широкоэкранные фильмы»... Конечно, надо бороться, справедливость всегда восторжествует... Галка! Как я счастлива тебя видеть! Как я люблю встречаться с однокашницами!.. Расскажи о своей личной жизни – ты помнишь, каким я пользовалась успехом? У заслуженных, у народных?.. И это нормально: до тридцати нас любят пожилые, после тридцати нас любят мальчишки, а в промежутках мы выходим замуж... Да, да, всё, что ты рассказываешь, ужасно, возмутительно и... Стоп! Это мне звонок. Как я рада, что мы поболтали...

Она рванулась к выходу, но Басова преградила ей дорогу: – Так ты подпишешь письмо?.. Отвечай прямо: да или нет?

Марина положила ей руки на плечи:

– Галочка! В жизни не всё так просто, как тебе кажется. Я, наконец, представлена к званию. В театре много завистников. И если я буду замешана в какой-нибудь истории... Ты понимаешь?..

Отодвинула подругу в сторону, выпорхнула на сцену и сразу же вошла в образ:

*Я – маленькая пчёлка,
Я целый день жуужжу,
Я – маленькая пчёлка,
Меня зовут Жужу!..*

...Басова прислонилась к подоконнику. Хотелось кричать от обиды. Всё! Больше она никого просить не будет... И вдруг в памяти выплыло лицо обидевшего её самодура... Нет, не всё!.. Есть ещё Костюков. Она слышала, что он сейчас занимает какой-то большой пост в Министерстве. Когда-то он первый пригласил её на работу и первый поздравил с успехом... Эх, дура, дура! Надо было сразу идти к нему!..

...Костюков только что окончил приём. Он очень спешил. За последние два года он, наконец, вырвался в отпуск. Целый месяц без заседаний, целый месяц – солнце и море!..

Секретарша подала ему записку:

«Дорогой Илья Ильич! Вы помогли мне на старте – теперь помогите на финише. Но сначала помогите прорваться сквозь заслон секретарши. Ваша крестница».

Если бы Костюков дочитал записку до конца, он бы обя-

зательно вспомнил, кого называл крестницей. Но он спешил, он мысленно был уже в Сочи. И на записке появилась резолюция: «В отдел кадров. Разобраться».

Через десять минут на площадь с воем ворвалась «скорая помощь»...

Это были совсем не злые люди. Узнав о несчастье, они бросили все дела и примчались в больницу. Они сидели в вестибюле на длинном белом диване. Каждого мучили угрызения совести.

– Я ей даже не предложил чашку кофе... Я разговаривал так, что и у моего крокодила мог быть инфаркт!..

– Это я убила её, я!.. Она пришла ко мне, к подруге, за помощью, а я предала её... Из-за какого-то звания!

– Да пропади оно пропадом, это море!.. Два года не был в отпуске – мог ещё час потерпеть!..

– Если б я знал, что у неё больное сердце!..

– Если б я могла её вернуть!..

– Если б она была жива!..

– Она жива.

Это произнёс дежурный врач, появившийся в вестибюле. Он выпил воды из автомата, подошёл к ним и устало опустился на диван.

– Массаж, электрошок, новый французский препарат... Словом, она жива.

– Жива?! – радостно воскликнули все трое. – Жива? – переспросили они уже более спокойно, встали и пошли.

- Вы ничего не хотите ей передать? – спросил врач.
- Пусть зайдёт, когда я вернусь из отпуска.
- У меня репетиция – я забегу в другой раз.
- Коль она живая – подождёт...

Они вышли на улицу.

Врач поднялся с дивана, подошёл к открытому окну, закурил и долго смотрел им вслед, щурясь от яркого июньского солнца.

Старый двор

Сейчас на этом месте вырос шестнадцатиэтажный дом с голубыми балконами. Первый этаж занимает огромный магазин «Дары моря». На стекле каждой витрины нарисована рыба, чтобы покупатели не забывали, как она выглядит.

На скамейке у первого подъезда два мальчугана, – один острижен наголо, другой – с лихим чубчиком, – сообща решают задачу.

– ... Из одной трубы выливается... Из другой – вливается...

Списки жильцов сняты в связи с предстоящим ремонтом. Дворника тоже нет – он участвует в республиканском смотре самодеятельности. Вхожу в подъезд, звоню в первую же дверь, обитую дерматином, спрашиваю – Харитона никто не знает.

– Трудная задача. Не решим... – доносится голос одного из «математиков».

В этом доме у всех изолированные квартиры и изолированная жизнь. А когда-то...

Когда-то на этом месте бурлил страстями маленький южный дворик, заплетённый паутинами бельевых веревок, на которых, как пойманные мухи, трепыхались чулки, майки и бюстгальтеры всевозможных размеров.

Я учился в политехническом институте и снимал койку у

дворника Харитона. Одну комнату он сдавал постояльцам, а в другой – размещалась вся его семья: маленький сухарик Харитон, его жена, большая и пышная, как буханка, и девять шумных разновозрастных Харитонычей. Когда-то здесь квартировали футболисты, поэтому все Харитонычи бегали в застиранных футболках. Дети были очень похожи друг на друга, имён их никто не помнил – различали их по номерам на футболках.

Со мной в комнате жил ещё один постоялец, брюнет в галифе, который привозил сюда мимозу. Он привозил её спрессованную в чемоданах. Потом, как Кио, из каждого чемодана доставал сотни букетов и увозил их на базар. Деньги, вырученные от продажи, прятал в галифе. Спал, не раздеваясь. В комнате пахло потом и цветами. К концу распродажи он ходил, переваливаясь с боку на бок, как индюк, потому что был нафарширован деньгами от сапог до пояса.

Приезжал он уже много лет подряд, во дворе к нему привыкли и называли Нарзан.

По субботам маленький Харитон напивался, хватал топор и с криком «Убью!» гонялся за своей огромной женой. Подойти к нему никто не отваживался: он с такой яростью орал «убью», что стаи ворон начинали кружить в ожидании труп.

Но жертв не было и быть не могло. Парад силы и воинственности требовался маленькому Харитону только для самоутверждения, Это понимала его огромная жена и с неопи-сваем ужасом на лице бегала по двору, подыгрывая мужу

в субботних спектаклях.

В этом же дворе жил довольно известный профессор, автор многих работ по автоматике. Только он мог влиять на Харитона. Когда дворник начинал буяннить, профессор появлялся во дворе, забирал у Харитона топор и уводил его к себе в кабинет пить чай.

Погасив пожар души чаем, Харитон мирно возвращался домой. Жена кормила его ужином и ласково приговаривала:

– Ты ешь, ешь, Харя. Набегался!

Роза презирала жену Харитона за такую покорность. И вообще! Разве они пара?

– Она – красавица, пудов на восемь, а он – как собака сидя!

Дружбе Харитона с профессором она не удивлялась, а заявляла, что профессор такой же чокнутый, как этот «лилипут с топором».

Выходец из деревни, профессор до старости сохранил нежную любовь к лошадям. Не имея машины, он построил во дворе гараж и держал там рыжую кобылу Альфу. По утрам чистил её, впрягал в маленькую двухколёсную бричку и ехал на ней в институт читать лекции по автоматике.

Роза не прощала профессору этой странности и позорила его на всех перекрёстках.

– Тоже мне будёновец!

Роза была душою всего двора. И телом. Говорят, когда спортсмены бросают спорт, они сразу заметно толстеют. У Розы была фигура спортсменки, которая бросила спорт, не начав им заниматься. Когда она возвращалась с базара, сперва раздавался её голос, потом из-за угла дома появлялся бюст, затем живот и, спустя некоторое время, – сама Роза с двумя кошёлками, полными цыплят, кабачков, фруктов.

– Пускай Аркаша перед смертью накушается – ему будет что вспомнить.

Жила она в полуподвале вместе со своим мужем, кото-

рый умирал от какой-то болезни. Кто входил во двор, видел сквозь окно, как в затемнённом полуподвале, словно в склепе, покачивается в кресле-качалке бледный живой покойник, укрытый белоснежным пикейным одеялом.

Роза была удивительной чистюлей. Она могла часами гоняться по комнате за последней мухой, пока та, обессиленная, не падала на пол с инфарктом. Окна она мыла утром и вечером, Аркашу – три раза в день. Говорили, что когда-то у неё была кошка, но она её прокипятила.

Раз в неделю Роза ходила к председателю райисполкома, толкала грудью стол, кричала: «Я живу в могилу!» и требовала немедленно отдельную квартиру, чтобы Аркаша мог умереть «на своём унитазе». Председатель исполкома, задвинутый в угол, ругал строителей, бил себя грудь и клялся, что они – первые на очереди. Когда Роза являлась снова, председатель сам забивался в угол и оттуда умолял дать ему дожить до пенсии.

Роза работала надомницей. Получала на швейной фабрике полуфабрикаты и шила лифчики. Лифчики были из какого-то пуленепробиваемого материала, а объёмом – как чехлы для аэростатов.

– В таких лифчиках наши женщины непобедимы! – поддразнивал её сосед сверху, усатый моряк, похожий на Дартаньяна на пенсии. Всё тело моряка было покрыто татуировкой. От пяток до шеи он был исписан всевозможными надписями и изречениями, как школьная доска к концу урока.

Только стереть их было невозможно. В самую жаркую пору моряк не позволял себе снять тельняшку, чтобы Харитонычи не увеличивали свой словарный фонд.

Когда-то он был женат. Для своей жены он остался непрочитанной книгой. Она ушла от него, не в силах переварить информацию, которую получила при чтении всех частей его тела. С тех пор он жил один с приبلудным котом, которого называл Дарданел.

Роза не любила усача за то, что его окна находились на самом верху, он «выдыхивал всю свежесть», а ей и Аркаше доставался «только задний воздух». Но задевать его боялась. Когда-то в ответ на её тираду моряк молча приподнял край тельняшки. От пупка направо шла надпись, загибаясь на спину. Моряк медленно поворачивался, чтобы Роза сумела прочитать всю фразу. Когда она дочитала до позвоночника, у неё щёлкнула и отвалилась нижняя челюсть. Когда моряк сделал полный оборот вокруг своей оси, Роза была в лёгком обмороке. С тех пор она в открытые конфликты с ним не вступала. Но вечерами, в кругу соседок, поносила некоторых мужчин, от которых убегают жёны и которые живут, «как ширинка без пуговиц».

Кроме кобылы Альфа и кота Дарданела в доме жила ещё курица Шманя. Так прозвали её Харитонычи. Курица была собственностью бессловесной старухи из флигеля. Старуха считалась богатой: она ежемесячно получала по три перевода от своих детей, которые жили в других городах, к ней не

приезжали и к себе не звали. На умывальнике старуха держала три зубные щётки в стакане. Каждый день мыла стакан и меняла воду. Потом надевала на курицу поводок и выводила её погулять. Курица чувствовала себя собакой и усвоила собачьи привычки: отмечалась под каждым деревом.

Роза ненавидела Шманю как неиспользованный бульон для Аркаши и распускала слухи, что курица бешенная.

Над Розиным полуподвалом, в бельэтаже, жили дворовые аристократы, семья Невинных: папа, мама и сын. Если исходить из определения «шапка волос», то у папы их была только тубетейка. По вечерам он тайком принимал частную клиентуру, сверлил зубы портативной бормашиной, которую можно было легко спрятать, но нелегко заглушить.

Она прыгала у него в руках и гремела, как отбойный молоток. Когда он ставил больного к стенке, упирался ему коленом в живот и включал двигатель – голова страдальца начинала дергаться в такт машине и выбивала барабанную дробь о стену. У этого агрегата было одно достоинство: клиенты от грохота и сотрясения теряли сознание, и можно было работать без наркоза.

У папы Невинных была болезнь, которую зарабатывают обычно на сидячей работе. У стоматологов работа в общем-то «стоячая», но болезнь об этом, очевидно, не знала. Папа мучился, доставал какие-то импортные свечи, пробовал их, разочаровывался и добывал новые. В доме накопилось такое количество свечей, разных форм и расцветок, что

сын Леня однажды украсил ими новогоднюю ёлку.

Папина болезнь, конечно, была покрыта непроницаемой тайной, о которой, конечно, знал весь двор.

Мама Невинных, бывшая эстрадная чтица «на договоре», была патологически худой и модной: по пять раз в день меняла платья, которые, казалось, надевала прямо на скелет.

Жизнь свою, отнятую у эстрады, она посвятила сыну, пятнадцатилетнему балбесу с ярко выраженной уголовной внешностью. Мама пыталась научить своё дитя аристократическим манерам и оградить его от влияния улицы. Улица же мечтала оградить себя от него, но безуспешно. Юный Невинных бил из рогаток фонари, кусал в подворотнях девочек и находился в постоянном состоянии войны со всеми Харитонычами. Кроме того, он не выговаривал буквы «с» и «з», произнося вместо них «т».

– Эту семейку делали в мясном магазине, – говорила Роза о своих верхних соседях. – На сто килограммов мужниного мяса накинули тридцать килограммов костей жены.

Скандалы с аристократами вспыхивали, когда мама Невинных вытряхивала в окно салфетку, держа её двумя пальцами за кончик.

– Я живу в могилу! – кричала Роза стоматологу. – А она свои микробы трусит мне в бульон!

– Пожалуйста, не вмешивайте меня в кухонные дела. Я всё-таки мужчина, – пытался тот сохранить нейтралитет.

– Как вам нравится этот мужчина! – кричала Роза на весь

двор и добивала стоматолога запрещённым приемом. – Знаете, кто вы такой? Вы – подсвечник!

Но главным врагом Розы была Муська, свободная женщина свободных нравов. Когда она шла через двор, виляя задом, как машина на льду, брюнет Нарзан издавал сладостный звук «М-пс!» и приседал, как бы готовясь к прыжку. Но тут же щупал свои галифе, вздыхал и выпрямлялся: желание сохранить галифе убивало в нём все другие желания.

Муська часто возвращалась с работы не одна, а с каким-нибудь провожатым, который обычно задерживался у неё до утра. Окна Муськи находились напротив Розиных окон. Полночи Роза проводила, стоя у себя на подоконнике, а по утрам митинговала во дворе:

– Это ж надо иметь железное здоровье!.. Ничего!.. Я этому положу концы!

Иногда Розе удавалось сообщать женам Муськиных кавалеров местопребывание их мужей. Тогда по ночам весь дом наслаждался бесплатными представлениями: с криками, пощёчинами и истериками. Даже Аркаша просил Розу раскрыть пошире окно.

– Я ищу своё счастье, – рыдала Муська. – Чего вы всовываетесь!

– Когда ты ищешь – гаси свет! – изрекала Роза. – Аркашу это травмирует перед смертью.

– Я хочу найти мужа. Хотя бы такого дохленького, как у вас.

– Молчи, потерянная! – гремела Роза, и Муська стихала, уползала к себе в комнату и там зализывала сердечные раны.

Как я уже говорил, Роза была душою этого двора, главным и непременно участником всех событий.

Но однажды она ушла на базар и не вернулась. Скорая помощь подобрала её без сознания на улице, вместе с двумя полными кошёлками. Троё суток она пролежала в больнице. И показалось, что маленький, тесный дворик, до краёв заполненный Розиным голосом, вдруг сразу затих и опустел. Можно было с утра до вечера вытряхивать салфетки, чистить лошадь под самыми окнами, спокойно гоняться с топором за собственной женой – никто не мешал, не комментировал, не скандалил. Не приходя в сознание, Роза скончалась от инфаркта. Хоронили её всем двором, с почётом, как полководца.

По настоянию профессора, в последний путь Розу везла Альфа, которую впрягли в старую подводу-биндюгу. Моряк покрасил подводу в чёрный цвет. Роза возлежала на ней в красном нарядном гробу, впервые активно не участвуя в таком важном событии. На груди у неё желтел букет мимозы, бесплатно положенный Нарзаном. Рядом водрузили кресло-качалку с Аркашей. Подвода дергалась, и Аркаша горестно раскачивался над гробом, как старый служка, читающий молитву.

Сбоку, у гроба, гордо вышагивал Лёнька-уголовник, держа поводья.

За подводой шли супруги Невинных и несли венок из металлических цветов с надписью: «Незабвенной нижней соседке от любящих соседей сверху». Их венок был единственный, они этим очень гордились и не позволяли никому его трогать.

Сзади двигалась башнеподобная жена Харитона и, как ребёнок, вела за руку поникшего супруга. С другой стороны дворника поддерживал профессор. За ними маршировали все девять Харитонычей, выстроившись друг за другом по порядку номеров. Следом шла Муська, изо всех сил сдерживая в рамках приличий свой разудалый зад. Замыкали процессию моряк и старуха с курицей. Курица, чувствуя серьёзность происходящего, не хулиганила, а шла рядом с хозяйкой, как послушная собака после приказа «к ноге»!

Прощались молча. Потом Муська произнесла:

– Она мене была как родная мама.

И Харитон зарыдал, уткнувшись в необъятность своей супруги. Та успокаивала его, баюкая у себя на груди. Муж и жена Невинных горестно вздыхали, все ещё не решаясь выпустить из рук свой венок. А на подводе, как на постаменте, памятником невысказанному горю, в кресле-качалке шёпотом плакал Аркаша.

Прошло несколько дней. Тишина во дворе стала привычной. И вдруг – сенсация: Аркаша начал оживать! Сперва он вставал с кресла и шагал по комнате, потом сидел на скамеечке во дворе. А после – уже сам ходил за молоком и даже

стоял в очереди за бананами. Двор загудел. Все горячо обсуждали воскрешение из мёртвых, сокрушались, что Роза не дожила до такой радости. Но это было не всё. Не успели переварить это событие, как взрывной волной ударило следующее сообщение: Муську засекли, когда она на рассвете выныривала из Аркашиного полуподвала. Это было уже слишком.

Потрясённый двор угрожающе затих перед бурей. Страсти накалялись и дымились.

Первым сорвался Харитон. Он напился, не дожидаясь субботы, схватил топор и с криком «Ну, Муська!» стал гоняться за своей женой. Когда профессор, отобрав топор и напоив его чаем, спросил: «Зачем жену гоняешь, Харитон?», тот горестно ответил:

– Все они такие.

И впервые профессор не осудил его, а задумался.

– Тука она, вот кто! – заявил молодой Невинных.

– Фи, Ленечка, что за выражение! – брезгливо сморщилась мама-аристократка.

– Что такое тука? – спросил папа.

– Тука – это жена кобеля, – интеллигентно объяснила мама.

После первого шока, вызванного неожиданным сближением Муськи и Аркаши, все обитатели дома, не сговариваясь, объявили им войну.

Харитонычи теперь играли в футбол только возле Мусь-

киного окна, используя его как ворота без вратаря.

Харитон, убирая двор, сметал весь мусор в окно полуподвала. Через несколько дней окно Аркашиной комнаты уже не открывалось, оно было замуровано, вернее замусоровано, до форточки.

– Они все сказали! – жаловалась Муська участковому. – Чего они всовываются? Мы хотим создать молодую семью.

Участковый призывал всех сохранять спокойствие, но его призыву не внимали.

– Путкай убирают по-хорошему, пока не потно! – потребовал Лёнька от имени общественности.

Но будущие молодожёны не убирались. Тогда решил действовать моряк. Когда Муська гостила у Аркаши, он зашёл к ним, снял тельняшку и долго читал себя вслух. После этого Муська и Аркаша больше не сопротивлялись. Они попросили профессора дать им Альфу, чтобы переселиться к Муськиной маме.

– Лошадь – благородное животное, – недвусмысленно ответил им учёный.

Рано утром, надеясь, что все ещё будут спать, они выносили узлы, чемоданы и грузили их в нанятую полуторку. Но весь двор, конечно, был на ногах. Их провожали угрюмым молчанием взрослые, пронзительным свистом – Харитонычи, улюлюканьем – Лёнька, и злобно лаяла им вслед курица Шманя. А может, мне это просто показалось...

...Юные математики все ещё пыхтят над задачей. Подса-

живаюсь, пытаюсь помочь.

– А ответ какой?

– В том-то и беда... Нет ответа, – грустно сообщает мне Чубчик.

Мимо, шаркая ногами, проходит человек, нагруженный покупками, очевидно, с базара. Увидел меня, остановился.

– Здравствуйте. Не узнаете?

Аркаша! Только обесцвеченный: белая голова, белые брови, белые усики – негатив своей молодости.

Он сел рядом и быстро-быстро, очевидно, боясь, что я встану и уйду, стал рассказывать об отдельной квартире, о приличной пенсии, о том, что ему очень, очень хорошо... Потом вдруг, не делая паузы:

– Роза была святой женщиной, я к ней до сих пор хожу на кладбище. Она обо мне заботилась и вообще. Но... – он протянул ко мне руки, как бы умоляя понять его. – Может, я умирал, потому что мне с ней было скучно жить, как-то бесцветно... А Мусенька меня заставила подняться, мне захотелось выздороветь, понимаете?!..

– Вы встречаете своих бывших соседей?

– Да. Им всем дали квартиры в этом доме. Они с нами до сих пор не разговаривают, даже на субботники не приглашают... – Он спохватился, вскочил: – Мне пора – Мусенька там одна. Она не выходит, у неё тромбофлебит.

Он ухватил две кошёлки, полные цыплят, кабачков, фруктов, и потащил их к лифту.

– Хорошо, когда в задаче есть ответ, правда? – мечтательно произнес Чубчик.

– Конечно, хорошо, – согласился с ним я.

В пригородном автобусе

Были последние дни июля, и солнце перевыполняло план на триста процентов. А может, оно просто перепутало Европу с Африкой.

Я погружался в тротуар, мягкий и горячий, как пюре. Рядом влипла в асфальт маленькая женщина лет за пятьдесят, худая и коричневая от загара. У неё был тонкий, вытянутый нос с двумя выемками у самого кончика, как будто её взяли пальцами за нос и крепко сдавили... Женщина кого-то высматривала, нервно вертела головой и поглядывала на часы.

Больше на остановке никого не было. Да и не удивительно. Этот автобус бывает переполнен в пятницу, когда аборигены возвращаются с работы по домам, а дачники устремляются под собственную тень на два выходных дня. А в субботу, в раскалённый полдень, может решиться ехать только эта пережаренная шкварка или такой профессиональный неудачник, как я, которому уже нечего терять. Впрочем, ничего особенного – элементарная пара по химии – и третья попытка проникнуть в мединститут завершилась, как и предыдущие. Самое забавное, что в кармане лежит мамина телеграмма: «Уверена успехе ни пуха ни пера заранее поздравляю». Третий год подряд она присылает подобные послания, и третий год подряд я благополучно проваливаюсь. «Что за трагедия! – скажет Юлька. – Ты опытный фельдшер, при-

лично устроен, прилично зарабатываешь»... А я устал. Мне надоело после дежурств возвращаться в четырехместное купе общежития «скорой помощи», надоело по ночам зубрить химию, надоело зимними вечерами целоваться с Юлькой в подъездах. У меня, как у десятиклассника, на учёте все тёплые парадные. А я ведь не пацан – четвертак позади. Недавно какая-то отличница даже место в трамвае уступила.

Из-за угла выглянул автобус, остановился, как бы раздумывая, стоит ли в такую жару из-за нас двоих делать крюк. Затем вздохнул и всё-таки стал поворачивать. Старая рухлядь! Как его выпускают на линию? Наверное, его уже не принимают в металлолом... В этот момент женщина призывно замахала рукой. Через дорогу бежал мужчина с авоськой, в которую были втиснуты три живых курицы. Перебежав улицу, он поцеловал женщину в щеку, погладил её по голове и только после этого стал часто и шумно дышать, как бы вдруг вспомнив, что у него одышка. Пока автобус полз к остановке, я внимательно рассмотрел владельца авоськи. Он уже давно оформил пенсию. Его лицо было болезненно-бледным – к таким лицам загар не пристаёт. Большой пухлый нос, большие щёки с пухлыми складками и мешочками, пухлые пальцы без суставов, как надутые резиновые перчатки. И вообще, весь он напоминал надувную игрушку, из которой начали выпускать воздух.

В автобусе было много свободных мест. Я сел у окна. Автобус дёрнулся и покатил по дороге. Всё, всё, всё! Никаких

отступлений! Еду к тётке, забираю своё тёплое пальто, книги, ботинки – и утром в поезд. Через сутки – здравствуй, мама! – и снова нормальная жизнь нормального человека. Как сказала бы Юлька, ничего страшного, миллионы людей живут без высшего образования. Так что, прости, мама, но нашу мечту о прославленном докторе мы воплотим в будущем внуке...

Позади меня устроился пухлый мужчина со своей спутницей. Впереди бухнулись на сидение двое парней, которые успели вскочить в автобус за секунду до отправления. Один был в очках и в берете, другой – в модной болгарской тельняшке, уже выцветшей и в двух местах аккуратно заштопанной. Устроившись, они продолжали разговор.

– Ты видел когда-нибудь, как пельмени свариваются в один комок? Вот это его сольный концерт – из одинаковых пельменей.

– Билеты берите! – потребовала кондуктор, мужеподобная особа с квадратными плечами, выпирающими из сарафана. Её руки были заляпаны крупными веснушками, напоминающими ржавчину.

Я протянул ей рубль.

– Куда едете?

– До конечной.

– Сразу надо говорить. А то боятся языком шевельнуть!

Ну и ведьма! Выдать бы ей под моё настроение, да жаль зря портить нервы: ведь я её уже никогда не увижу. Как и

всех остальных в этом солёном, душном городе. В стране десятки мединститутутов, но мама уговорила меня приехать именно сюда. И всё потому, что в пригороде живёт тётя Вера, у которой я смогу хранить свои ценные вещи и поедать вкусные обеды. Мама уверена, что ради домашних котлет я с радостью буду совершать ходки, вроде этой.

Последний раз тетю Веру я видел первого апреля, когда мы с Юлькой отвезли ей моё зимнее пальто и забрали демисезонное. Если б мама знала!

Пухлый мужчина, наконец, отдышался. Женщина, которая терпеливо дожидалась этого момента, спросила:

– Почему ты опоздал?

– Я ездил на базар. Я не люблю брать птицу в магазине. Но зато я выбрал, что хотел. Это не курицы, это золото. Две я купил тебе, а одну отдам ей, за сутки в холодильнике не испортится. Я тебе их разделаю так, что хватит на пять дней.

– А ей ты будешь разделявать?

– Ей я не буду разделявать. Пусть сама разделявает.

Горластая кондуктор подошла к парням и рявкнула:

– А вам отдельное приглашение?

Очкарик протянул ей деньги.

– Два до конечной.

– Я себе возьму, – засуетился парень в тельняшке.

– Да ладно! Сам говорил, что вам уже второй день зарплату не платят.

– Это всё из-за него: развалил организацию! – Парень раз-

вернул газету – в ней были пирожки. – Бери, ты ведь тоже не обедал.

Они оба стали энергично жевать. Мне стало дурно от одного вида этих пирожков. В такую жару мне вообще противна всякая пища. А с заднего сидения доносилось:

– ...Четыре лапки, две головки, пупки, два сердца – вот тебе холодец. Шейки можно начинить – это ещё порции. Потом восемь четвертей. И ещё бульон...

– Ты очень хорошо умеешь разделявать кур.

В голосе женщины звучали любовь и гордость.

– Я теперь всегда тебе буду разделявать.

– А ей ты разделявал?

– Когда-то раньше. А теперь нет. Теперь каждый сам себе разделявает. Я ей только покупаю. У неё ведь больные ноги. Ты же знаешь.

– Я знаю.

Продолжая жевать, парень в тельняшке изливал душу товарищу.

– Ты когда-нибудь пил соду с сахаром? Вот это манера его исполнения. Он ведь не поёт – он о чём-то шепчется с публикой. И ещё режиссирует. Недавно поставил программу «Бригантина», стоила тридцать тысяч. Через неделю со страшным скандалом провалилась.

– Большому кораблю – большое кораблекрушение, – пошутил очкарик. – Слушай, с чем эти пирожки?

– С изжогой.

Уже три часа. В шесть Юлька идётна «йогу». Это её новое увлечение после того, как она перестала прыгать с парашютом. Интересно, как онаотреагирует на то, что я её не встречу после занятия?

На одной из остановок в автобус вошла чистенькая, аккуратная старушка, светлая, как полнолуние, и опустилась рядом со мной. Её лицо сплошь было изрезано весёлыми и подвижными морщинками. Его можно было использовать для плаката: «Боритесь с оврагами!»

Поставив на колени портфельчик, такой же аккуратный, как и она сама, старушка улыбнулась мне, как старому знакомому, отчего морщинки совершенно обнаглели и рванулись куда-то за уши.

– Домой возвращаюсь. Угадайте, где я была? Целый месяц!

Послал бог собеседницу. Теперь придётся всю дорогу вести содержательный разговор.

– Не умею угадывать, – буркнул я.

Но старушка не обиделась. Я нужен был не как участник беседы, а только как повод.

– В институте геронтологии. Знаете, где стариков изучают. И лечат. Вы спросите, поправилась я или нет?

Это уже легче: повторять готовые вопросы. Это я могу.

– Вы поправились?

– Чувствую себя лучше. Но больше к ним не поеду. Знаете почему?

– Почему?

Я подавал ей нужные реплики, как Штепсель Тарапуньке.

– Каждый день им надо говорить, где у тебя заболело, где закололо...

– Старуха, а туда же – едет зайцем! – гаркнула со своего места кондуктор.

Старушка засуетилась.

– Что вы! Обязательно возьму. Я вас просто не заметила.

– Очки надень!

У старушки от неожиданности отвалился подбородок, и все морщинки выстроились вертикально.

– Да как вы смеете...

– Не связывайтесь, – посоветовал я.

Было жарко и душно. Автобус напоминал духовку на колёсах. Спину парил горячий компресс из пропотевшей рубашки. На переднем сидении парень в тельняшке продолжал поливать своего худрука.

– А ты бы всё это выдал на собрании, – посоветовал очкастый умный друг. – Неужели тебя не поддержат?

– Пять человек поддержат, остальные промолчат. У нас в филармонии интриги, как в академическом театре. Он меня сразу выживет. А я дня не могу без работы. У меня на каждой клавише по иждивенцу. Я должен выколачивать бабли – вот и стучу на рояле.

– Ты легко устроишься в другом месте – все знают, как ты играешь.

– Это Рихтер играет, а я стучу.

Я откинул голову назад, на спинку кресла, и услышал продолжение другого диалога.

– Ты хорошо сделал, что купил не одну курицу, а две. Бульон из двух кур, – это ведь не из одной, правда?

– Конечно: две курицы – это не одна.

– А она тебя угощает бульоном?

– Раньше угощала. Теперь нет.

Я закрыл глаза и попытался задремать, но ничего не получилось. Наверное, сон вышел из меня вместе с потом.

– ... Сколько мне суждено жить, столько и проживу без их института, – убеждала меня старушка. – Буду книги читать, в кино ходить, ездить на велосипеде... А чего вы улыбаетесь? У меня сосед, на восемь лет старше, с велосипеда не слазит. Одной ногой в могиле, а другой – педаль крутит. Это очень полезно для здоровья... Вы думаете, я смерти боюсь? Ничего подобного! Боятся те, кому нечего вспоминать, а я прожила разноцветную жизнь.

Боже, как они мне все надоели! Как трясёт этот ящик на колесах! Наверное, в юности он работал бетономешалкой!

Автобус подпрыгнул и затормозил. Вскочила девушка в кожаной мини-юбке, напоминающей набедренную повязку. У Юльки такая же, только коричневая... Поскорей бы в поезд! Уехать и обрубить. И всё! Очень уж они переплелись – институт и Юлька. Я больше не могу провожать её до входа и оставаться на улице. Я больше не могу слушать, как она

разговаривает с однокурсниками об анатомке или профессоре Глинкине, а я при этом только присутствую. У неё своя жизнь, в которую я никак не могу прорваться. Когда мы познакомились, она была на первом курсе, теперь – на третьем. А я все трахаюсь лбом о приёмную комиссию. Юлька уходит от меня, вверх по курсам, как по ступенькам, я это чувствую. Так лучше самому, сразу, одним махом!

В автобус вошёл новый пассажир. Он был в пиджаке и пригалстук. «Самоубийца», – подумал я. Но пассажир чувствовал себя превосходно.

– Сестричка, – обратился он к нашей кондукторше, – поздравь меня: мне сегодня исполнилось сорок лет!

– Билет берите! – потребовала «сестричка».

– Я возьму, не беспокойся. Но ты меня сначала поздравь – у меня праздник.

– Гражданин, берите билет. Если выпили, не надо хулиганить.

– Я не хулиганю, я радуюсь, – миролюбиво объяснил именинник. – Мне сорок, а женщины ещё дарят цветы. Вот!

Он вытащил из бокового кармана красную гвоздику и протянул её кондукторше. Но та оттолкнула его руку и прорычала:

– Не возмёшь билет – милицию позову! Каждый ханыга будет нервы мотать!

Улыбка слетела с лица именинника. Он вставил цветок на прежнее место и нажал кнопку звонка рядом с табличкой

«Место кондуктора».

– Ты чего хулиганишь!

Не отвечая, мужчина крикнул водителю:

– Открой дверь. Выйти надо!

Автобус остановился, дверь открылась. Пассажир стал на ступеньку и сказал кондукторше:

– Не хочу ехать в твоём автобусе! Ты мне весь праздник испортила. – Спрыгнул на землю и уже оттуда добавил: – Рожать тебе, кондуктор, надо. Рожать! Добрее будешь!

Автобус тронулся дальше.

Все разговоры прервались. Пассажиры с осуждением смотрели на кондуктора. Та была несколько растеряна, но не подавала виду.

– Ничего! Прожарится на солнышке, пока следующая машина подойдет, – успокоится.

– Это свинство! – сказала моя соседка-старушка.

– Чего? – рыкнула на неё кондуктор.

– Свинство, говорю: выставить человека на полпути.

– Кто его выставлял? Сам выскочил.

И тут автобус взорвался. Всё накапливавшееся раздражение против грубиянки-кондукторши теперь хлынуло лавиной.

– И правильно сделал! – крикнул полосатый лабух. – Лучше пешком идти, чем видеть вашу мрачную физиономию.

– Ну и шёл бы пешком, Кто тебя в автобус звал?

– Нет, голубушка! – заявила старушка. – Нас двадцать, а

вы одна. Не вы от нас, а мы от вас скорей избавимся!

Её морщинки воинственно подталкивали друг друга.

Со всех кресел неслось:

– Надо написать письмо в управление!

– Все подпишемся!

– Такую хамку надо учить!

И вдруг все замолчали. Кондуктор тихо плакала.

Это было неожиданно. От неё ждали ругани, оскорблений, но не таких тихих слёз. И ещё она всхлипывала по-детски. И приговаривала:

– Набросились, как на бандитку. А у меня, может, на той неделе тоже день рождения был... И ни одна зараза не поздравила... И муж к Воробьёвой Дашке ушёл... И план третий месяц не выполняем...

Автобус остановился. Это была конечная остановка. Водитель открыл двери, но никто не спешил выходить.

– Не надо плакать, – сказала маленькая старушка гренадёрше-кондукторше. – Мы теперь все будем ездить только вашим автобусом – это поможет выполнению плана. Какой номер вашей машины?

– Ноль семь семьдесят семь, – ещё всхлипывая, ответила кондукторша.

– Видите, как легко запоминается: три семёрки. Прекрасный автобус...

– Как портвейн! – неожиданно для самого себя сдохмил я. Все засмеялись, и это разрядило обстановку. Пассажиры

встали и начали выходить.

Дождавшись, когда все вышли, обладательница кур подошла к заплаканной кондукторше и погладила её по атлетическому плечу.

– Нельзя опускать руки. Надо бороться. – Она кивнула на пухлого мужчину. – Знаете, сколько я его ждала? Восемнадцать лет. И ни за кого не выходила замуж. Так я боролась. И теперь мы вместе. – Она нежно посмотрела на своего избранника, потом снова перевела взгляд на кондукторшу. – Конечно, одной тяжело. Я это хорошо знаю.

– Шагнула к выходу, затем остановилась и вытащила из авоськи лежащую сверху птицу. – Возьмите. Это подарок к вашему дню рождения. Это очень хорошая курица, с базара. Вам одной хватит на неделю. – Она опять посмотрела на пухлого мужчину. – И нам тоже хватит одной, правда?

– Я тебе одну разделаю, как двух. Ты и не заметишь, – пообещал тот.

– Я знаю. Он очень хорошо разделяет кур, – сообщила женщина и вышла вместе со своим надувным спутником.

Я постоял в тени автобуса, потом похлопал его по толстому теплему крупу и обошёл вокруг, рассматривая. Бока его были потёрты, кое-где виднелись шрамы и вмятины. Макушка крыши покрылась седоватой пылью, под которой старческой перхотью шелушилась краска. Подтёки вчерашнего дождя напоминали капли пота. Двигатель ещё не был выключен – автобус слегка подрагивал и хрипло дышал после про-

бега... Зря я ругал этого трудягу. Он честно вкалывает, хотя ему давно пора на пенсию. Не жалуется, не канючит, не просит замены, а везёт туда, куда требуется, на юг, на север, на запад, на восток... А в том, что мне было жарко и противно, автобус не виноват – просто я поехал не в ту сторону.

Я глянул на часы. Сейчас четыре. Три часа дороги обратно, и я ещё успею встретить Юльку после «йоги».

Отсюда хорошо был виден домик тёти Веры, где хранилось моё зимнее пальто и остальные вещи. Я помахал ему рукой, вошёл в автобус и сел на своё прежнее место.

Растерянная кондуктор всё ещё держала в руках подаренную курицу.

– Вы чего? – спросила она.

– Забыл ключи от дачи, – соврал я и протянул ей деньги на билет.

В автобус входили новые пассажиры.

Жара спадала.

Сиамские близнецы

Мы даже не похожи. Я – смуглый, кудрявый, черноволосый, у меня нос с горбинкой, а он – бледнолицый, курносый, белобрысый, волосы торчат, как веник.

– Отойди, – кричит, – от тебя чесноком пахнет!

А как я отойду? Только вместе с ним, этим хамом и лгуном: я ведь чеснок просто так не ем, только в котлетах, которые он же у меня и отбирает. А уж насчёт «пахнет», то это я должен волком быть: от него так перегаром несёт, что комары к нему только в противогазах подлетают. Все свои деньги я трачу на духи и дезодоранты, до тех пор обливаюсь, пока он их у меня не выхватит и не выпьет. Он же алкаш, ханыга, с утра уже пьян. А я спиртное даже видеть не могу, у меня печень слабая. Он напивается, а меня тошнит.

Вмешивается во все мои дела и в разговоры – он же всё слышит, всё при нём происходит. Даже по телефону не по секретничаешь – его ухо рядом. Я бы его отлупил, но боюсь: мы в детстве часто дрались, и он всегда побеждал: его рука – правая. И вообще, он более спортивен, чем я. Гирю выжимает, гантели. Когда делает приседания, я сопротивляюсь, хочется книжку дочитать. А он ухмыляется: «Спасибо за дополнительную нагрузку», навалится всей массой и к земле прижимает. Зато, когда на турнике подтягивается, я злорадствую: ему приходится и меня тащить.

И вера у нас тоже разная. Но вера – это условность: ни он, ни я в храмы не ходим, нас не приучили. Он меня в церковь не зовёт, а его в синагогу трактором не затащишь. Он о сво-

ей вере вспоминает только для того, чтобы меня нехристом обозвать. Хотя, когда его крестили, и меня в купель плюхнули, так что неизвестно, кто из нас больший нехристь. А обрезание, из нас двоих, сделали ему. Да, да! Это мой Бог его наказал: в юности у него пипка воспалилась, писать не мог, вот его и обкорнали. Он с тех пор в баню не ходит, свой обрез от всех прячет, если б мог, он бы его в футляре носил. И за это меня ещё больше ненавидит.

Его послушать, если б не я, он бы уже бегал быстрее всех, прыгал, рекорды ставил. Я, видите ли, вишу на нём тяжким грузом и мешаю его совершенствованию. Я кричу:

– Ты без меня никогда бы в Университет экзамены не сдал!

– А тебя, – отвечает, – без меня туда бы никогда не приняли.

– Это почему?

– По профилю! – и хохочет издевательски. – Ты вообще должен быть счастлив, что я тебя рядом терплю... Прекрати скрипеть!

Это он орёт, когда я на скрипке играю. И чтобы заглушить, включает свою любимую песню:

...Без меня тебе, любимый мой
Лететь с одним крылом...

Он знает, что я о такой пошлости умереть могу, и назло

крутит её с утра до вечера.

Думаете, мы всегда враждовали?.. Нет, раньше ничего подобного не было. Когда дом строили, помогали друг другу – как же построишь, если врозь?.. И когда от грабителя отбивались, тоже дружно... Я где-то читал, что трудности сплачивают, а что, мол, у нас сейчас всё хорошо, поэтому грызёмся. Но, если всё, что сейчас происходит, это хорошо, то мне страшно подумать, что будет, когда станет плохо!.. И где это хорошо?... Дом наш из-за вражды нашей заброшен и неухожен, крыша течёт, штукатурка отваливается, полы прогнили. Крысы, моль, тараканы... Но ему это не мешает. Ему я мешаю, я во всём виноват. И за то, что дом рушится, что крысы паркет грызут... В холодильнике пусто – я сожрал. В доме кто-то кашлянул – я заразил. Картина с гвоздя сорвалась – я сбросил... Вместо того, чтобы вместе дом спасти, он со мной счёты сводит.

– Я тебе завтра все зубы выбью!

Это он каждый день угрожает. И хотя завтра забывает о своей угрозе, но я-то всю ночь не сплю, нервничаю. На следующий день снова, из-за какой-нибудь ерунды:

– Я тебе завтра башку сверну!

И так всю жизнь, в постоянном страхе: свернёт или не свернёт?..

Если на то пошло, то это он ко мне, как пиявка, присосался. Я в университете лучшим студентом был, меня на всех собраниях в президиум выбирали, а он, прилипала, рядом

сидел... Меня путёвкой в Сочи наградили – пришлось и ему давать, чтоб он мог съездить. Я – мастер спорта по шахматам, во всех международных соревнованиях участвую – и его посылают, тренером оформили. У меня над доской лоб трещит, а он сидит рядом, делает умное лицо, а потом цветы принимает, репортёрам позирует. И его все поздравляют с моей победой, как великого тренера-наставника. А он из всей шахматной терминологии только одно слово знает: «мат-перемат»!

А с девушками как встречаться? Я назначаю свидание, и он со мной прётся. Я шепчу нежные слова, а он орёт: «Звук! Не слышно!»... Я её своей левой к себе прижимаю, а он, своей правой, её по бёдрам поглаживает... И когда мы расписывались, он рядом, третьим стоял.

И в первую брачную ночь с нами остался. Я его молю:

– Закрой глаза, спи.

– Не могу спать, – ухмыляется, – когда рядом наша жена лежит.

И глаза нараспашку до утра. Жена меня целует и шепчет:

– Иди ко мне.

А как идти? Вместе с ним?... Лежу и губы кусаю, чтоб не заплакать. И так – все ночи, целый год, у нас потому и ребёнка не было. А потом жена от меня ушла. К нему. Когда я уснул, взяла и перелезла, слева направо. А ему-то не стыдно – лежу и всю ночь шею в сторону выворачиваю, глаза зажимаю, чтоб не видеть, что он с ней вытворяет.

– Как ты могла? – спрашиваю.

– Я устала, – отвечает. – Надоело жить и всего бояться.

Мне опора нужна, дом и его хозяин.

– Но это наш, общий дом, мы его вместе строили.

– Всё равно ты здесь квартирант, Настанет день, и тебя отсюда выгонят.

– Это невозможно, мы так срослись.

– С кровью оторвут и пинком под зад. А ты даже не станешь протестовать – в тебе гордость потеряна, раз соглашаешься так жить.

Очень меня эти её слова до сердца достали. Не смог я больше терпеть, решил ему отомстить. Яд у меня был, стрихнин. Когда у нас крыс травили, я пакетик этого порошка спрятал. Тогда ещё сам не знал зачем, но, видно, подсознание подсказало. За столом мы сидим, понятно, рядом. Когда он отвернулся, я ему весь пакетик в суп вытряхнул. Съел он его. Побледнел, на лбу пот выступил. А потом согнулся пополам и как взвояет. А у меня, поверьте, ни жалости, ни раскаянья – так я его возненавидел. Смотрю и тихо радуюсь: наконец, избавился. А потом чувствую, и у меня на лбу пот выступает. Потом внутри будто гвозди забивать стали, схватился я за живот и тоже взвыл: кровообращение-то у нас общее, постепенно отравы и до меня дошла. Отвезли нас обоих в больницу, обоим промывание сделали, капельницы поставили, мне в левую руку, ему в правую – еле откачали.

Понял он, что это я нас чуть не уконтрапупил, и говорит:

– Так дальше жить нельзя. Если не разделимся, ночью одновременно друг друга передошим.

А чтобы разделиться, нужно было операцию тяжёлую перенести, очень опасную. Нам её когда-то один хирург предлагал, но предупредил, что шансов остаться в живых один из десяти. Мы тогда в один голос отказались, боялись риска, думали и так проживём. Но теперь поняли, что больше не выдержим, лучше смерть, чем такое существование.

...Везут нас на каталке, последний раз вместе. Он мне говорит:

– Хоть бы они нас не зарезали – так охота пожить без твоей гнусной рожи рядом!

– А я согласен даже умереть, – отвечаю, – только бы от тебя освободиться.

– Если на том свете ко мне подойдёшь – убью!

Привезли нас в операционную, положили на стол, дали наркоз и стали кромсать наши тела и внутренности. Полдня длилась операция. За столько лет мы крепко срослись, всё – и нервы, и сосуды, и капилляры разделить надо было. Крови много вытекло, и из одного, и из второго. Несколько раз клиническая смерть наступала. Но, видно, его Бог или мой, а может, оба наших Бога постарались – вытерпели мы всё и живыми остались. Развезли нас по разным палатам и стали выхаживать.

Открыл я через сутки глаза и сразу ослепило: «Свободен!». От такого счастья снова сознание потерял. А он от ра-

дости чуть с ума не сошёл: схватил с тумбочки настойку крушины, прошептал «Да здравствует свобода!» и весь пузырьёк выпил – из-под него потом неделю судно не вынимали.

А мне никаких настоек не требовалось, я от свободы опьянел: хочу – лежу, хочу – хожу, хочу – читаю – ни от кого не завишу!.. Как же я, червяк придавленный, мог столько лет пресмыкаться и терпеть эту невыносимую жизнь?! Окрепну, выпишусь из больницы и уеду далеко-далеко, чтобы забыть прошлые муки и унижения.

Решил я так, и на душе потеплело. А потом вдруг холодная тревога заползла: легко сказать «уеду», а куда? Здесь всё хоть и невыносимо, но привычно. А там – чужие края, чужие нравы. И почему невыносимо? Крышу над головой имел? Имел. И сыт был, и одет, и обут. А там всё начинать с начала надо, с самого нуля. И не резвым мальчуганом-заводилой, а уже поседевшим неудачником, утомлённым нелёгкой жизнью... От этих мыслей я так расстроился, что швы разошлись, температура подскочила – продержали меня в больнице лишнюю неделю.

Но вот настал долгожданный день: выписали меня, проводили до ворот и пожелали успеха. Вышел я на улицу, а там машины, троллейбусы, трамваи – гудом гудят. И людей – тысячи, бегут, спешат, толкаются. А среди них и злые, и агрессивные. И вдруг так мне страшно стало, что ноги подкосились, идти не мог, к стене прислонился: я ведь теперь один, навсегда. А мне одиночество непривычно. Когда он со мной

рядом шёл, я себя чувствовал уверенно. С ним не страшно было, он сильный. Его все боялись. Да и вообще: двое – это не один. Вдвоём с любым сладишь. Когда тот грабитель пытался к нам в дом залезть, мы ему так надавали, он справа, а я слева – незваный гость еле ноги унёс...

И вдруг поймал я себя на странной мысли: и он ведь сейчас один, и ему жутковато: остаётся в развалившемся доме, работать отвык, а придётся – меня не будет, не на кого чертей вешать. И от пол-литры надо отказываться, иначе всё на голову рухнет... И вдруг даже стало мне его жалко.

Психанул я на себя за эту слабость и, чтобы злость восстановить, стал вспоминать все его пороки. Но что-то плохо получалось: с одной стороны я его обвинял, а с другой – тут же сам защитительные доводы приводил... Да, мешал на скрипке играть. Но без него я вообще ни разу бы не сыграл: ведь когда я своей левой по смычку водил, он своей правой мне её поддерживал... Да, пьёт, много пьёт. Но ведь он не родился алкоголиком – пить стал на моих глазах, из-за жизни нашей патологической... Да, грубый, резкий, драчливый, но когда я в прорубь провалился, он же мне свои сухие ботинки отдал, а сам босиком до дома топал...

И вдруг захотелось мне его голос услышать. Так внутри заныло, что не выдержал, заскочил в телефонную будку и наш номер набрал. Он снял трубку.

– Алло!.. Алло!.. Слушаю!..

А я молчу, только сердце барабанит. И он замолчал. Мол-

чим оба. Потом он спрашивает:

– Это ты?

– Я – отвечаю. И жду: сейчас какую-нибудь гадость ляпнет.

А он снова помолчал и вдруг:

– Как живёшь?

Я растерялся, засуетился:

– Прекрасно, прекрасно! А ты?

– Превосходно.

И снова замолчал.

– Я уезжаю, – говорю. – Далеко.

И опять ожидаю в ответ что-то вроде: «Скатертью дорожка!». А он снова неожиданно:

– Может, попрощаться зайдёшь?

– Зайду.

Повесил я трубку совершенно ошеломлённый, а потом вдруг понял: да у него ведь на сердце сейчас такая же тяжесть, как и у меня. Я это своим сердцем почувствовал, недаром они у нас столько лет рядом бились!..

Подошёл к дому – дверь открыта, ждёт. Зашёл в гостиную, вижу, над столом фотография висит, где мы пацанами, в мохнатых шапочках, как два медвежонка. Никогда он её раньше не вынимал, а тут... Но сделал вид, что не заметил.

– Закурить есть? – спрашиваю.

Протянул он мне пачку. Посидели, покурили. Потом говорю:

– Дом тебе остаётся. И вся мебель. Только ковёр я продам
– деньги на дорогу нужны.

Поднял он голову, глянул на меня как-то необычно – никогда раньше так не смотрел.

– Скрипку не забудь. Я тебе футляр починил.

– Спасибо.

– Куда поедешь?

– Куда-нибудь на юг. Я здесь мёрзну.

– Писать будешь?

– Не знаю. А ты?

– Вряд ли.

Снова помолчали.

– Ну, что ж... – говорю. – Пока.

– Пока.

– Будь.

– И ты будь.

Помахал он мне своей правой, а я ему своей левой, и разошлись мы в разные стороны, теперь уже навсегда. Я не оглядывался, чтобы швы на теле не кровоточили. А он на прощанье песню включил:

...Без меня тебе, любимый мой,
Лететь с одним крылом...

Зря я ругал эту песню: оказывается, очень она душевная.

Елена Ивановна

Было это в году восьмидесятом. Я человек свободной профессии, работал дома. А если в доме нет покоя – значит, и работа кувырком. Может, поэтому и не женился, чтобы не разрушать свою спокойную, налаженную жизнь.

А тут – эти звонки.

Первый прозвучал в девять утра.

– Попросите Елену Ивановну.

– Здесь нет такой.

– Это отдел координации?

– Это квартира.

– Извините.

Трубку положили, но через минуту телефон зазвонил снова.

– Елену Ивановну, пожалуйста.

– Я же вам сказал – здесь её нет.

– Простите, это 233-66-90?

– Да.

– Странно. Извините.

И началось.

Елену Ивановну спрашивали через каждые полчаса. Звонили из Москвы, звонили и по междугородке.

– Что вы все ко мне трезвоните? – с раздражением спросил я у одного из звонарей.

- В справочнике указан ваш номер.
- Очень мило. А кто издавал справочник?
- Наш трест. Отдел кадров.
- Дайте мне номер заведующего отделом.
- Пожалуйста.

Трубка продиктовала семь цифр. Я позвонил заведомо кадров и объяснил ему ситуацию.

– Н-да... Неувязка... – пророкотал бывший командный голос. – Её телефон 293-66-90. Тройку с девяткой перепутали. На виновных наложим взыскание.

– А вы не можете переделать справочник?

– По инструкции справочники переиздаются раз в три года. Осталось два года и семь месяцев.

– А ей часто будут звонить?

– Вообще-то частенько. Наш трест имеет двадцать пять филиалов. Особая интенсивность будет в конце месяцев и кварталов... Финансовые отчёты, заявки...

В этом тресте финансовые отчёты сдавали аккуратно. В конце месяца телефон звонил через каждые десять минут. Я, как хорошо налаженное справочное бюро, кричал в трубку:

– Не 23, а 29! Пожалуйста, запишите и передайте своим товарищам!

Я позвонил на телефонную станцию, рассказал им всё и взмолился. Мне посочувствовали, но помочь не смогли.

– Это не наше дело. Наше – чтобы телефон работал исправно.

Телефон работал исправно. Звонок звенел с раннего утра до позднего вечера. Очевидно, Елена Ивановна была добро-совестным работником, засиживалась после окончания ра-бочего дня, и все об этом знали.

– Поставьте мне розетку, чтоб я мог его выключать! – сно-ва воззвал я к телефонной станции.

– Розетки будут в следующем квартале.

(Тогда и розетки бы в дефиците и телефоны в большин-стве «спаренные»: на одной линии – два абонента).

Я попробовал снимать трубку и класть её рядом с телефо-ном, но, получив грандиозный скандал от соседа по блоки-ратору, вынужден был отказаться от этой защитной акции.

Я стал плохо спать, вскакивал среди ночи и бросался ду-шить телефон. В общем-то, я человек интеллигентный, ни-когда не произношу бранных слов. И вдруг в полусонном бреду стал выкрикивать такие фразы, которые переводчи-ки обычно объясняют иностранцам, как непереводимую иг-ру слов. Я даже перестал печатать материалы у своей маши-нистки: её звали Мальвина Абрамовна – это напоминало мне Елену Ивановну.

Наконец, я не выдержал, через отдел кадров узнал номер директора треста и позвонил ему. Я стонал, выл, плакал, дёр-гался, как Луи де Фюнес, бил себя трубкой по голове и угро-жал повеситься на телефонном шнуре.

– Елена Ивановна скоро вернется из отпуска, что-нибудь придумаем, – пообещал директор.

Потом позвонил Кустанай.

– Слушай, друг, – кричал в трубке хриплый голос, – про-толкни вагон кровельного железа вне фондов, а...

– Вы ошиблись номером. Звоните по телефону 293-66-90. Я повесил трубку, но телефон зазвонил опять.

– Я тебе, бюрократу, до утра буду звонить, понял! Нажми на министерство, выбей железо... Ведь всего один вагон...

Я понял, что от него не избавиться.

– А для чего железо?

– Для школы. Такую красавицу отгрохали...

– Вы хоть скажите, кто вы и к кому звонить?

– Мы – СУ «Спецстроя», а звонить надо заместителю министра. – Трубка радостно продиктовала мне номер. – Я бы сам выбил, да секретарша меня с ним уже не соединяет.

Я позвонил заместителю министра. Это было нелепо, но это был единственный способ избавиться от назойливого кустанайца.

Я просил, требовал, нажимал на любовь к детям, напоминал о всеобщем среднем образовании.

– А кто это говорит? – удивленно спросил замминистра. На секунду я растерялся, а потом брякнул:

– Елена Ивановна.

После недолгой паузы трубка ответила.

– Хорошо. Дадим. А вы идите домой и лечите простуду...

В последующие дни, таким же образом, ради своего покоя, я выбил брёвна для Винницы, вырвал рельсы для Во-

логды и выклянчил медные трубы для Одессы.

Через неделю снова позвонил Кустанай.

– Спасибо, друг!.. Железо получили... Тебе премия от дирекции – 15 рублей. Высылаем почтой – диктуй адрес.

Это было смешно, но меня невольно распирало чувство гордости. И тут снова позвонили. Я снял трубку.

– Здравствуйте, это Завалишина.

– Какая Завалишина?

– Елена Ивановна, я вернулась из отпуска. Пал Палыч мне всё рассказал... Вы уж простите, ради Бога;... Представляю, как вы, бедненький, измучились... – Услышав голос легендарной Елены Ивановны, я растерялся и молчал. – Я сейчас заказала все наши филиалы, лично сообщу всем и заставлю исправить ошибку в справочнике. Я у них ни отчёты не прииму, ни заявки, пока этого не сделают... Больше вас тревожить не будут... Уж извините...

Слово она сдержала. Телефон замолчал. Наступила оглушительная тишина, как на войне после длительной канонады. Весь день я купался в ней, нежился, как в тёплом июльском море.

Назавтра раздались первые робкие звонки моих друзей, которые все эти месяцы не могли ко мне прорваться. Я поделился с ними своей радостью. Друзья поздравили меня, пожелали успешной работы.

Жизнь входила в нормальную колею.

По утрам, сделав зарядку и позавтракав, я бодро садился к столу, вынимал ручку, клал перед собой стопку бумаги, но... Но работа не клеилась. Я вдруг обнаружил, что мне чего-то не хватает. И с ужасом понял, что не хватает звонков к заведующей отделом координации. Ведь за это время я незаметно привык к ним, сроднился, зажил жизнью неизвестного мне треста и его многочисленных филиалов. Это было дико, нелепо, но это было. Как они там теперь без меня? А что, если позвонить Елене Ивановне как бы случайно, по ошибке... А потом извиниться. И сказать, что я не сержусь, а даже наоборот...

Два дня я боролся с искушением, а на третий день все же набрал номер 293-66-90.

– Елена Ивановна?

– Ради бога! – взмолился чей-то усталый голос. – Перестаньте звонить Елене Ивановне.

– Но... но ведь это её номер.

– Был. До вчерашнего дня. Сейчас ввели новую подстанцию, и все номера поменялись. Мне уже сутки покоя не дают, все требуют эту прекрасную Елену. Уж вы, голубчик, пожайте старуху.

Я положил трубку. Вот и всё. Ушла из моей жизни незнакомая Елена Ивановна. Ушла навсегда – ведь я даже не знал названия треста, в котором она работает.

Прошло время. Я стал на месяц старше, трезвее, солиднее... В доме моём по-прежнему покой, тишина, порядок.

Однажды у меня обедали приятели. Я рассказал историю о Елене Ивановне. Приятели смеялись. Я тоже. Вдруг раздался междугородный звонок. В трубке прозвучал знакомый хриплый голос:

– Говорит Кустанай. Слушай, друг, помоги получить цемент, всего двести тонн. Дворец культуры заканчиваем – не хватает. На тебя вся надежда. Протолкни, как ты умеешь...

– Протолкну! – радостно пообещал я. И, забыв о гостях, поспешно набрал номер замминистра.

Банкет в кафе «Белочка»

Отдел гудел. Идея взбудоражила всех: отметить в праздники день рождения счетовода Косиковой. Идея принадлежала старшему бухгалтеру Шурлику, бессменному тамаде на всех банкетах. Это он разнюхал в отделе кадров дату её рождения.

Косикова работала в отделе уже давно, но никто не знал её возраста, ни разу не бывал у неё дома. Не потому что её игнорировали. Вовсе нет. Просто она была очень застенчивой и нелюдимой, не ездила с коллективом по грибы, не участвовала в культпоходах. Знали только, что мужа у неё нет, детей тоже. Нескладная, неконтактная, в какой-то нелепой причёске, где волосы были собраны надо лбом в жидкий узелок, она изо дня в день являлась на работу в одном в том же тёмно-сером платье и молча сидела в своем углу, кутаясь в такой же тёмно-серый вязаный платок. Из-за пугливого нрава и пристрастия к серому её прозвали «Мышка».

Когда Косиковой сообщили об этом решении, лицо её вспыхнуло красными пятнами, она испуганно замахала руками и забормотала: – Зачем?.. Нет, нет... Не надо...

– Если коллектив решает, то никто не возражает, – тут же парировал Шурлик и захохотал, радуясь своей импровизации.

Прошло несколько дней и Косикова смирилась со своей

участью. Она слышала, как за её спиной шушукались сослуживцы, сбрасываясь по рублю на подарок; как докладывал о переговорах с заведующим кафе заместитель главбуха Нерубай; как ревизор Рыбина и главная модница отдела Зиновка Словесная обсуждали туалеты, в которых они придут на праздник.

– Надеюсь, хоть по такому случаю именинница сошьёт себе новое платье, – вслух произнесла Словесная и тут же, чтобы сгладить бестактность, добавила. – Могу подсказать модный фасон.

– Спасибо, я сама, – не отрываясь от бумаг, тихо ответила Косикова, но лицо её опять покрылось красными пятнами.

– Представляете, что это будет за шикардос! – шепнула Зиновка своей соседке.

За прекрасную фигуру и постоянный флирт по телефону сразу с тремя поклонниками Зину Словесную называли «Ложь на длинных ногах». В отделе все имели прозвища. Их придумывал Шурлик и сам же распространял. Он был толстый, круглощёкий, с пухлыми губами-помидорами. Хотя сквозь них словам прорываться было трудно – говорил он много. Каждой фразе давал под зад языком, и она выскакивала на метр вперёд. Очень любил поесть, поэтому являлся инициатором всяческих застолий. Его называли «Колобок».

Единственным, кто не имел прозвища, был плановик Ди-диани, старый холостяк, красавец и сердцеед. Несмотря на свои пятьдесят ещё очень моложавый, с чёрной шевелюрой,

седыми висками, чёрными усиками и тонкой джигитской талией. По нему вздыхали все незамужние женщины всего треста, а Зиновья Словесная специально для него ежедневно меняла причёску. Несколько старомодный Дидиани каждое утро целовал ей ручку, говорил «Вы прелестны», но ни разу не проводил до дому, хотя Словесная неоднократно намекала, что им по дороге. Вообще, Дидиани со всеми был одинаково галантен, но никого не выделял и не провожал. Именно за эту осторожность, боязнь ошибиться, Шурлик попытался прозвать его «минёром», но женщины единодушно это прозвище отвергли, и оно не прижилось.

Наконец, долгожданный день наступил. В конце рабочего дня, после торжественного собрания в актовом зале, все сотрудники планово-финансового отдела спустились вниз, в кафе «Белочка». Кафе было детским, поэтому общий стол состоял из сдвинутых разноцветных столиков. Тарелки с цветочками, вместо рюмок – маленькие чашки с изображением зверюшек, маленькие белые стульчики – всё это создавало весёлое настроение и молодило души. Женщины вышли в фойе переодеться в праздничные туалеты, принесённые из дому, а мужчины коллективно рассматривали царевну-лягушку, изображённую на стене.

Дамы вошли нарядные, похорошевшие, готовые принимать комплименты. Стали рассаживаться. И вдруг обнаружили, что нет виновницы торжества. Она задержалась и вошла с опозданием, после всех. Её туалет вызвал некоторое замешательство среди присутствующих. На ней было ярко-красное платье с зелёным шарфом и зелёная лента на голове, стягивающая всё ту же нелепую причёску.

– Бездна вкуса: красный с зелёным! – шепнула Словесная Рыбиной. – Интересно, где она откопала этот кримпленчик!..

Шурлик усадил Косикову рядом с Нерубаем, которому было поручено ухаживать за ней.

– Дорогие друзья! Мы собралась здесь, чтобы приветствовать прекрасную женщину нашего прекрасного отдела! – произнёс тамада и поцеловал Косикову в щёчку.

– Ура! – закричали все и потянулись чокаться с именинницей. Медведи, волки и лисички, нарисованные на их чашечках, поцеловались с зайчиком на её чашке.

Потом ей преподнесли подарок – хрустальную вазу с букетом красных гвоздик. Затем была объявлена благодарность за хорошую работу и зачитали приказ о премировании. Снова выпили за её здоровье, потом ещё и ещё... Банкет покатился по привычным рельсам.

Косикова была в центре внимания, за ней ухаживали, говорили приятное, подливали шампанское. Каждый поступал так по разным мотивам: Шурлик – по обязанностям тамады; Нерубай, как бывший кадровый офицер, чётко выполнял порученное задание; кто-то – забавляясь, кто-то – с любопытством, Словесная – с нескрываемой иронией и насмешкой. Но каков бы не был подтекст, шквал комплиментов, похвал и ласковых слов обрушился на Косикову, она отогрелась оттаяла, осветилась изнутри, и произошло чудо – сослуживцы впервые слышали её смех, звонкий, раскатистый, заразительный... И вдруг оказалось, что зелёный шарф очень ей к лицу, потому что глаза-то у неё зелёные. А когда Дидиани пригласил её на шейк, она выделяла такие па, что потря-

сѣнный партнѣр едва поспевал за ней. Когда музыка смолкла, он поцеловал ей руку и, запыхавшись, произнёс своё традиционное «Вы прелестны», но Зиновья Словесная уловила в нём какую-то неожиданную интонацию.

– Интересно, а сколько лет имениннице! – выкрикнула она.

– Это не важно! – вмешался Шурлик. – Женщина до тех пор женщина, пока у неё снег во рту тает! – и громко захотел, радуясь сказанному.

– А зачем скрывать? – Косикова встала. – Мне тридцать шесть лет, но мне никогда ещё не было так хорошо. Хотите, я вам спою? – И запела:

*Жил на свете жадный слон,
Жадный слон, жадный слон
Съел мороженого он
Сразу десять тонн...
Холодно! Холодно!
В середине холодно!..*

Косикова так ярко изображала обжорство слона и так смешно показывала, как он мёрзнет, что все оживились и заулыбалась. А она продолжала:

*Он сипит, и хрипит,
Посинел от хрипа,
У него один бронхит*

И четыре гриппа...

– Холодно! холодно!

В середине холодно! – дружно подхватили сослуживцы. Всем было ужасно жалко глупого слона и ужасно весело.

Песня кончилась, но виновнице торжества ещё долго аплодировали. Потом она попросила слово.

– Я очень люблю Антуана де Сент-Экзюпери. Помните, как маленький принц приручал Лиса, а тот потом плакал, когда принц его покинул... Сегодня вы приручили меня и теперь, если захотите покинуть, я буду плакать... Спасибо вам за это!

Все снова зааплодировали.

– Вот, кто заменит меня на посту тамады! – закричал Шурлик.

– Завтра же ввожу её на роль Джульетты, – безапелляционно заявила ревизор Рыбина, которая являлась бессменным руководителем трестовского драмкружка.

Дидиани молча поцеловал Косиковой руку. Потом наклонился (после танца они уже сидели рядом) и тихо произнёс:

– Сделайте мне подарок в ваш день рождения.

– С радостью, – засмеялась она. – Какой?

– Разрешите проводить вас до дома, – непривычно робко попросил он.

А внимательно наблюдавшая за ними Словесная, грустно прошептала Рыбиной:

– А знаете, красный с зелёным оказывается довольно оригинальное сочетание, напоминает цветок мака. Интересно, где она брала этот материал?..

В случае аварии нажмите кнопку

Жены дома не было.

Сын учил анатомию.

– Сердце чего-то болит, – сказал я.

– Сердце мы ещё не проходили, – ответил сын, не отрываясь от учебника.

– Неприятности у меня.

– Это хорошо. – Сын оживился и отложил учебник. – Значит, ты сможешь меня понять. Я сломал микроскоп, срочно нужны две сотни, чтоб его починить. Дашь?

Получив нужную сумму, сын тут же исчез.

В кухне на плите стоял обед, но есть не хотелось. Я заглянул к соседу, бывшему однокурснику. Он сидел у телевизора, смотрел футбольный матч.

– Старик, у меня проблемы, надо поговорить. Очень важно.

– Садись и смотри – начался второй тайм.

Я вышел от него с чётко оформившимся решением пойти в ближайший ресторан и напиться. Вызвал лифт, стал спускаться и застрял между этажами. С отчаяньем, с каким актёр-трагик старается разорвать собственную грудь, я безуспешно пытался раздвинуть дверцы лифта. И вдруг заметил пластинку в мелких дырочках, на которую раньше никогда не обращал внимания, и под ней надпись: «В случае ава-

рии – нажмите кнопку и ждите ответа». Я поспешно нажал эту спасительную красную кнопку. Из дырочек просочился хрипловатый мужской голос:

– Здравствуйте. Слушаю вас.

– Я застрял. Немедленно выпустите меня!

– Минуточку. – Короткая пауза, а затем: – Послал к вам аварийку. Скоро приедут.

– Это чёрт знает что! – скулил я. – И так неприятности, а тут ещё виси в этом гробу!

– Вы чем-то расстроены? – спросили дырочки.

– С начальником поругался, – неожиданно для самого себя ответил я.

– И, конечно, намерились подавать заявление об уходе?

– А вы откуда знаете?

– Так все решают сгоряча.

– Я ещё докладную министру отправлю, сегодня же!

– Докладную никогда не поздно. Вы успокойтесь. Вот послушайте.

Из дырочек заструилась музыка и заполнила кабину лифта.

– Что это? – удивлённо спросил я.

– Дебюсси.

– Это у вас так положено развлекать застрявших?

– Да нет, я по собственной инициативе. Меня успокаивают ноктюрны. А вас?

– Предпочитаю марши. Похоронные.

– Э, да вы, и вправду, расклеились. – В голосе звучало неподдельное участие. – Нельзя так, голубчик... Ну-ка, вдохните поглубже воздух, задержите его немножко и выдохните.

– Это зачем?

– Чтобы успокоиться. По системе йогов. Здорово помогает. Попробуйте: раз, два – вдох, три, четыре – пауза, пять, шесть – выдох... И ещё перед сном подышите, лучше на балконе.

Послышались голоса – это прибыла аварийная команда. Через минуту я был освобождён. Но прежде, чем уйти, я прижал губы к продырявленной пластинке и вполголоса произнёс:

– Спасибо вам.

– За что? – удивлённо спросил мой невидимый собеседник.

– За всё спасибо.

– Что вы! Это наша обязанность. Застревайте, пожалуйста!

В ресторан уже не хотелось, Я вернулся домой, напился чаю и спокойно уснул.

С тех пор, поднимаясь или опускаясь в нашем лифте, я с благодарностью поглядывал на продырявленную пластинку и ощущал какое-то радостное спокойствие. В лифте становилось тепло и уютно. Очень хотелось нажать кнопку, но я не решался беспокоить своего нового друга без повода.

Однажды не удержался: остановил лифт между седьмым и восьмым этажами и вызвал диспетчерскую.

– Здравствуйте! – донеслось из дырочек.

– Здравствуйте! Это опять я. Помните, который с начальником поругался?..

– А, очень приятно. Снова застряли?

– Застрял.

– Не волнуйтесь, вызволим. А как дела на работе?

– Спасибо. Всё хорошо. Меня назначили старшим группы.

– Вот видите... Очень рад. Значит, теперь у вас всё в порядке?.. Чего вы молчите?.. Опять что-то стряслось?

– Я с женой разводиться решил.

– О, Господи! Чего это вдруг? Что случилось?

– Да ничего конкретного. Цепь каждодневных обидных мелочей. Оказывается, девятнадцать лет рядом с тобой была не жена, а соседка по постели. Ни общих интересов, ни заботы, ни внимания...

– Простите, – перебил меня голос, – какой размер обуви у вашей жены?

– Тридцать семь, или тридцать шесть... Нет, кажется, тридцать восемь.

– А она получала когда-нибудь премии?

– Очень часто. Вот и позавчера принесла три тысячи рублей.

– А за что?

– Не знаю.

– А какие её любимые цветы?

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего. Я только спрашиваю.

– Значит, вы считаете, что виноват я?

– Я просто советую вам ещё раз подышать по-йоговски. Лучше всего на балконе.

Я помолчал. Потом приблизил губы к дырочкам.

– Спасибо... Аварийную не присылайте: лифт в порядке. Я сам его остановил.

– Я знаю, у меня на пульте всё видно.

Вечером я помирился с женой и на следующей неделе мы улетели в Ялту, в санаторий. Из отпуска возвратились через три недели. Поезд прибыл в девять утра, и жена прямо с вокзала помчалась на работу. Я погрузил два наших чемодана в такси, подъехал к дому, вскочил в лифт, остановил между девятым и десятым этажами и в радостном ожидании нажал красную кнопку.

Из дырочек донеслось:

– В чём дело?

Голос был женский, и я растерялся.

– Здравствуйте...

– Гражданин, сообщите причину вызова.

– Видите ли, причины нет... Я сам остановил лифт...

– И не стыдно хулиганить!.. А ещё в кооперативе живёте!

Что-то щёлкнуло, и голос отключился.

Я снова нажал кнопку.

– Вы не сердитесь. Тут до вас мужчина работал... Где он?

– А, чокнутый?.. Его неделю назад на пенсию отправили.

– Почему чокнутый?

– Да он в рабочее время клиентам стихи читал, кассеты с птичьим чириканьем прокручивал...

– А почему на пенсию? У вас ведь работа не очень тяжёлая...

– Так он без же без диплома... А работа у нас, между прочим, не такая уж лёгкая: каждый, кому не лень, пальцем в кнопку тычет, от дела отрывает!..

Снова щёлкнуло, и наступила тишина.

Я вдруг как-то физически ощутил, что вишу на тонком тресе, а подо мной девять этажей глубокого чёрного колодца.

Стало зябко и страшно.

Я поскорее выскочил из лифта и потащил чемоданы к себе на двенадцатый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.